

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

Серія историческая.

В. ПЕРЦЕВЪ

ФРАНЦІЯ ВЪ ХІХ ВѢКѢ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

№ 102

4. 50 к.

Акціонерное Общество
„УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“
МОСКВА.

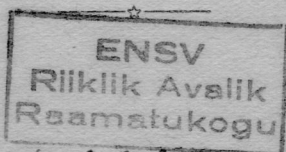
НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

Серія историческая

В. Н. ПЕРЦЕВЪ.

Франція въ XIX вѣкѣ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

503829

~~42283~~

Акціонерное Общество
„УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“
МОСКВА.

❑❑ ❑❑	ТИПОГРАФИЯ ПЕРЕЛЕТНАЯ СТЕРЕОТИПНАЯ	❑❑ ❑❑
Г. ЛАМБЕРТЬ :: МОСКВА		
❑❑❑❑	Тел. 1-04-12	❑❑❑❑

ВВЕДЕНИЕ.

Основные черты истории XIX вѣка. Въ истории XIX вѣка можно отмѣтить три основныхъ движенія :

Во 1-хъ, либерализмъ— движеніе, направленное къ установленію политической и индивидуальной свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ; защиту либеральныхъ началъ взяла на себя главнымъ образомъ буржуазія, которая къ началу XIX вѣка представляла собой уже крупную соціальную силу. Во 2-хъ, соціализмъ— движеніе, дѣятели котораго уже не довольствовались реформами государственнаго строя и юридическимъ уравниемъ всѣхъ гражданъ, а стремились къ радикальному переустройству основъ экономическаго быта, къ измѣненію отношеній между имущими и неимущими въ пользу послѣднихъ; это движеніе находило поддержку главнымъ образомъ въ рабочемъ населеніи большихъ городовъ. Въ 3-хъ, національное движеніе, которое имѣло своею цѣлью или воссоединеніе въ одно цѣлое политически разъединенныхъ частей одной и той же національности (Германія и Италія), или же освобожденіе однихъ народностей отъ господства другихъ (Ирландія, Венгрія, Чехія, Польша).

Положеніе Европы въ началѣ Реставраціи. Послѣ окончательнаго изгнанія Наполеона и реставраціи Бурбоновъ во всей Европѣ началась реакція. Къ ней примкнули всѣ тѣ, чьи интересы были затронуты революціей, кто отчасти получилъ удовлетвореніе своихъ притязаній и не нуждался въ ней болѣе, или

кто разочаровался въ ея результатахъ. Во главѣ реакціи стали государи, потому что революція, выдвигнувъ принципъ народнаго представительства, стала опасной для абсолютистскаго характера ихъ власти. Затѣмъ къ ней примкнуло дворянство, лишенное революціей или вполнѣ (Франція), или въ значительной степени (Германія) своихъ сословныхъ правъ и привилегій. Наконецъ, реакціей была задѣта и значительная часть буржуазіи, которую пугало возбужденіе, охватившіе въ періодъ революціи рабочихъ, мелкихъ ремесленниковъ и крестьянъ. Съ другой стороны, буржуазія, добившись свободы въ области экономическихъ отношеній, на время удовлетворилась этимъ, отказалась отъ рѣшительныхъ требованій политической свободы и перешла отъ роли революціоннаго класса на роль мирной либеральной оппозиціи. Точно такъ же успокоилось и крестьянство, добившись или одной только личной свободы (Германія), или же вмѣстѣ съ свободой земли (Франція). Оставались еще не только ничего не получившіе отъ революціи, но даже и пострадавшіе отъ успѣховъ машиннаго производства въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка городскіе рабочіе и мелкіе ремесленники, принимавшіе очень дѣятельное участіе во французской революціи; но и они именно потому, что революція имъ ничего не дала, охладѣли къ ней и перестали оказывать ей поддержку.

Руководящая роль въ реакціи принадлежала духовенству. Во время революціи оно возбуждало противъ себя ненависть, и какъ сила, стоявшая на стражѣ предразсудковъ и суевѣрій и боровшаяся съ новымъ просвѣщеніемъ, и какъ феодальное сословіе, имѣвшее въ своихъ рукахъ громадныя земельныя владѣнія. Осмѣянное еще философами XVIII в., подвергнутое въ ре-

волюціонное время нравственному униженію, потерявшее власть и матеріальное состояніе, духовенство теперь собралось съ силами и вступило въ борьбу со всѣми новыми вѣяніями, плодомъ которыхъ явилась революція. Обстоятельства того времени благопріятствовали духовенству. Авторитетъ церкви возросъ подъ вліяніемъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ она подвергалась во время революціи, и религіозность народныхъ массъ въ католическихъ государствахъ въ значительной степени оживилась. Религіозное вольнодумство XVIII столѣтія уже не возбуждало къ себѣ общественнаго сочувствія. Само духовенство, лишившись матеріальныхъ богатствъ, поняло, что вернуть себѣ сочувствіе общества оно можетъ только путемъ строгаго исполненія предписаній религіи, и измѣнило прежнее полусвѣтское поведеніе на строгій, суровый образъ жизни. Среди писателей появились крупные таланты, доказывавшіе превосходство вѣры надъ невѣріемъ и необходимость высшаго религіознаго авторитета, предъ которымъ преклонялись бы всѣ безъ разсужденій и критики (Шатобріанъ, Бональдъ и де-Местръ). Они идеализировали средніе вѣка, когда безраздѣльно царствовалъ католицизмъ съ его слѣпымъ подчиненіемъ авторитету папы, и противопоставляли имъ «безбожный XVIII вѣкъ», исполненный критицизма и сомнѣній. Однимъ изъ важнѣйшихъ внѣшнихъ признаковъ усиленія католицизма было возстановленіе іезуитскаго ордена (1813 г.), уничтоженнаго 40 лѣтъ тому назадъ. Іезуиты снова принялись за свою прежнюю дѣятельность католической проповѣди и обученія дѣтей въ католическихъ школахъ, и ихъ усиліямъ въ значительной степени надо приписать общее оживленіе религіознаго чувства въ Западной Европѣ.

Люди XVIII вѣка относились съ глубокимъ уваженіемъ къ разуму и, руководствуясь исключительно имъ, стремились перестроить политическіе и соціальныя порядки. Въ эпоху реакціи, наоборотъ, любили ссылаться на исторію и требовали уваженія ко всякой старинѣ, какъ бы неразумна она ни была, единственно потому, что она освящена давностью. Такъ, напримѣръ, англичанинъ Эдмундъ Боркъ противопологалъ гордости человѣческаго разума опытъ вѣковъ, который уже потому надежнѣе, что является продуктомъ мышленія многихъ вѣковъ и многихъ столѣтій, а не одного лица. Французъ де-Местръ восхвалялъ средніе вѣка, какъ время безусловнаго преклоненія передъ авторитетомъ папы, и подвергалъ осмѣянію французскую конституцію, какъ искусственный продуктъ грѣховнаго разума. Нѣмецъ Галлеръ критиковалъ идеи равенства и свободы, доказывая, что онѣ являются искусственнымъ изобрѣтеніемъ людей, между тѣмъ какъ природа не знаетъ равенства, и, по естественному, установленному самимъ Богомъ закону, сильнѣйшій имѣетъ право попирать слабѣйшаго.

ФРАНЦІЯ ВЪ ХІХ ВѢКѢ.

Франція послѣ революціи. Въ религіозныхъ потрясеніяхъ конца XVIII и начала XIX вѣка, охватившихъ всю Западную Европу (кромѣ Англіи), Франція играла главную роль, и измѣненія, происходившія въ ней, были глубже, чѣмъ въ другихъ странахъ. Несмотря на послѣдовавшую за революціей реакцію, Франція при реставраціи Бурбоновъ стояла все-таки впереди другихъ материковыхъ государствъ. Во-первыхъ, въ ней удержалось одно изъ главныхъ завоеваній революціи— равенство всѣхъ передъ закономъ. Во-вторыхъ, политическая свобода, совершенно не существовавшая въ то время въ другихъ странахъ материка, во Франціи до нѣкоторой степени еще ограждалась дарованной Людовикомъ XVIII монархической конституціей. Наконецъ, во Франціи въ началѣ XIX вѣка демократическіе элементы общества были гораздо сильнѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Здѣсь было довольно много крестьянъ, владѣвшихъ своими небольшими участками на правѣ полной собственности, много промышленныхъ рабочихъ, работавшихъ на большихъ фабрикахъ Парижа, Эльзаса, Фландріи и Нормандіи, наконецъ, много представителей средней и мелкой буржуазіи, не желавшихъ социальныхъ реформъ, но тѣмъ не менѣе цѣлко державшихся за главные принципы Великой Революціи—гражданское равенство и политическую свободу. Людовикъ XVIII, вступившій на французскій престолъ послѣ низложенія Наполеона, понималъ, что вернуться къ дореволюціон-

нымъ порядкамъ невозможно: онъ долженъ былъ признать права собственности за тѣми, кто приобрѣлъ имущества, конфискованныя у дворянства и духовенства; принятіемъ наполеоновскаго кодекса онъ обезпечилъ во Франціи гражданское равенство всѣхъ сословій. Наконецъ, онъ октроировалъ (даровалъ) Франціи конституцію 1814 года. По этой конституціи законодательная власть вручалась королю, сенату, члены котораго назначались королемъ пожизненно и были несмѣняемы, и палатѣ депутатовъ, составъ которой обновлялся каждый годъ посредствомъ выбытія пятой части членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялась свобода совѣсти, печати, право петицій; подъ каждымъ королевскимъ распоряженіемъ требовалась подпись соотвѣтствующаго министра.

Демократія была недовольна конституціей 1814 года. Политическія права были даны только немногочисленному классу крупныхъ землевладѣльцевъ и богатыхъ торговцевъ и промышленниковъ*). Крестьяне и рабочіе, мелкіе и средніе буржуа оказались лишенными избирательныхъ правъ. Но даже и избранная по такому несовершенному закону палата депутатовъ не могла надлежащимъ образомъ контролировать дѣятельность исполнительной власти, потому что министры назначались королемъ по его усмотрѣнію, безъ вниманія къ настроенію палаты.

Благодаря условіямъ избирательнаго закона въ парламентъ могли попасть представители только владѣю-

*) Избирать въ палату депутатовъ могъ только тотъ, кто платилъ налогъ не ниже 300 франковъ и имѣлъ не менѣе 30 лѣтъ; быть избраннымъ могъ только плательщикъ 1000 фр. налога, имѣвшій не менѣе 40 лѣтъ; первыхъ во Франціи было 90 тысячъ, а вторыхъ только 15 тысячъ человекъ.

щихъ классовъ—землевладѣльческаго дворянства и торгово-промышленной буржуазіи. Еще во время господства континентальной системы были проведены нѣкоторыя законодательныя мѣры, которыя должны были оградить интересы этихъ двухъ сословіи. Чтобы избавить землевладѣльцевъ отъ конкуренціи иностраннаго хлѣба, были установлены высокія пошлины на ввозное зерно; съ другой стороны, въ интересахъ фабрикантовъ были введены высокія пошлины на металлическіе и мануфактурные продукты, ввозимые главнымъ образомъ изъ Англіи. Но мирно ужиться эти два класса не могли, потому что ихъ интересы во многомъ расходились. Для фабрикантовъ были невыгодны высокія цѣны на хлѣбъ, эмигрировавшіе же дворяне требовали, чтобы имъ возвратили отобранныя у нихъ во время революціи земли, и втайнѣ надѣялись на возвращеніе всѣхъ дореволюціонныхъ порядковъ вплоть до возобновленія крѣпостного права. Они сплотились вокругъ графа д. Артуа, брата короля, который былъ извѣстенъ своей крайней ненавистью къ революціи; онъ скоро сдѣлался надеждою не только аристократовъ, но и клерикаловъ, такъ какъ былъ строгимъ католикомъ и хотѣлъ вернуть духовенству его прежнее общественное положеніе.

Умѣренное министерство Ришелье. Велѣдствіе розни землевладѣльческихъ и промышленныхъ элементовъ въ первомъ парламентѣ, собравшемся при Людовикѣ XVIII, обнаружилось рѣзкое раздѣленіе на реакціонную партію, представлявшую интересы землевладѣльческой аристократіи, и умѣренно-либеральную партію, стоявшую на стражѣ интересовъ промышленности и торговли; реакціонеровъ при этомъ оказалось громадное большинство. Они провели цѣлый рядъ исключительныхъ законовъ, которые отмѣняли личную свободу,

возстановляли въ иной формѣ старые указы объ арестѣ, учреждали военные суды, имѣвшіе право за неосторожныя выраженія по отношенію къ правительству приговаривать къ смертной казни и т. п. Иногда для борьбы со своими противниками реакціонеры не ограничивались законными средствами и возбуждали противъ нихъ невѣжественныя массы, устраивая погромы и частичныя кровавыя расправы. Много удѣлѣвшихъ дѣятелей революціи и наполеоновскихъ временъ погибло въ это время жертвами темнаго люда или отъ ножа убійць. Происходило нѣчто, напоминавшее собою ужасы революціонныхъ 1793-1794 гг. Толпы нафанатизированной черни безпощадно грабили и убивали мирныхъ людей, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ революціи или Наполеону. Правительство было бессильно бороться съ натисками реакціонной анархіи. Самъ король и его министры (въ началѣ царствованія Людовика XVIII его первымъ министромъ былъ герцогъ Ришелье) находили нужнымъ соблюдать умѣренность, такъ какъ громадный успѣхъ, который встрѣтило въ широкихъ массахъ возвращеніе Наполеона съ Эльбы, съ достаточной убѣдительностью доказалъ имъ, что династія Бурбоновъ въ народѣ не пользуется популярностью; и что ультра-реакціонная политика всегда встрѣтитъ твердый отпоръ со стороны населенія. Но противъ умѣреннаго министерства Ришелье была палата депутатовъ, получившая за свое реакціонное строеніе названіе «безподобной»; она съ восторгомъ прирѣтствовала всякій взрывъ роялистскаго фанатизма въ провинціи, и полагаясь на ея сочувствіе, многіе изъ провинціальныхъ префектовъ содѣйствовали безчинствамъ фанатической черни. Многіе изъ префектовъ при этомъ были убѣждены, что исполняютъ волю

короля и его министровъ; такимъ же желаніемъ угодиť правительству объяснилось и то, что многіе судьи мирволили реакціонерамъ и оставляли безъ наказанія ихъ преступленія. Но въ дѣйствительности министерство Ришелье боялось крайней реакціи, хотя внесеніемъ вѣсколькихъ репрессивныхъ предложеній и давало основанія заподозрить себя въ скрытыхъ симпатіяхъ къ ультра-реакціонной политикѣ. Оно желало опереться на умѣренно-либеральное меньшинство палаты и послѣ вѣсколькихъ частичныхъ столкновеній съ парламентскимъ большинствомъ распустило «безподобную» палату. Новые выборы дали побѣду умѣреннымъ, и послѣ этого Ришелье управлялъ, опираясь на нихъ.

Реакціонное министерство Виллеля. Но въ 1820 году произошло событіе, которое заставило самого короля передать власть въ руки реакціонеровъ: сынъ наслѣдника престола, графа д'Артуа, былъ убитъ при входѣ въ оперный театръ. Реакціонеры подняли тревогу и добились измѣненія избирательнаго закона, которое дало наиболѣе богатымъ избирателямъ (платившимъ свыше 1000 франковъ налога) право посылать еще лишнихъ 17½ депутата сверхъ 258, выбравшихся обыкновеннымъ порядкомъ. Благодаря этому крайніе реакціонеры оказались опять въ большинствѣ, и первымъ министромъ былъ назначенъ ихъ вождь Виллель. Министерство Виллеля начало съ того, что провело черезъ палату реакціонный законъ о печати, устанавливавшій строжайшее наказаніе за всякія нападки на церковь и правительство; многія преступленія, раньше разбиравшіяся судомъ присяжныхъ, были теперь переданы полицейскому суду; надъ школами былъ учрежденъ надзоръ епископовъ; либеральные профессора были изгнаны изъ университетовъ. Въ парламентѣ обра-

зовалась партія еще болѣе правая, чѣмъ само правительство; она добилаь того, что въ Испанію было отправлено французское войско для подавленія испанской революціи. Побѣда французскихъ войскъ надъ испанскими революціонерами до того опьянила крайнихъ роялистовъ, что Виллелю для борьбы съ ними пришлось опереться даже на либеральную партію.

Карль X и ростъ либерализма. Въ 1824 году Людовикъ XVIII умеръ, и ему наслѣдовалъ его братъ графъ д.Артуа, принявшій имя Карла X. Съ его вступленіемъ на престолъ снова подняла голову крайняя реакція. Виллель, въ угоду новому королю, находившемуся подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства и іезуитовъ, провелъ суровый законъ о святотатствѣ, каравшій виновныхъ въ немъ смертною казнью, и предложилъ парламенту вознаградить эмигрантовъ за конфискованныя у нихъ земли тысячею милліоновъ франковъ, при чемъ деньги эти были добыты путемъ пониженія процентовъ по государственнымъ бумагамъ съ пяти до трехъ. Тутъ открыто приносились въ жертву землевладѣльцамъ интересы буржуазіи, владѣвшей, главнымъ образомъ, процентными бумагами.

Среди самихъ роялистовъ произошло раздѣленіе на клерикаловъ и людей свѣтскаго образа мыслей. Карль особенно покровительствовалъ клерикаламъ и допустилъ устройство такъ называемыхъ конгрегацій, т.-е. ассоціацій іезуитовъ, стремившихся передать главное значеніе въ государствѣ духовенству. Противниками этихъ конгрегацій выступили даже дѣятели консервативнаго лагеря. Одинъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ консерваторовъ графъ Монлозье, нападалъ на клерикаловъ, какъ на «всезахватывающую и властолюбивую партію, ползущую во мракѣ по указаніямъ іезуитовъ,

незаконную и безымянную конгрегацию, вторгающуюся во все части свѣтскаго правительства, подчиняющую себя министрамъ».

Чрезмѣрныя притязанія клерикаловъ содѣйствовали увеличенію либеральной оппозиціи въ палатахъ. Либералы къ этому времени уже успѣли оправиться отъ ряда понесенныхъ ими пораженій и сдѣлались весьма значительной силой. Французскій либерализмъ этого времени, подобно англійскому, порвалъ свою прежнюю связь съ демократіей и принялъ буржуазный характеръ. Особенно рѣзко буржуазныя симпатіи либерализма выразились въ сочиненіяхъ извѣстнаго политическаго дѣятеля начала XIX вѣка, Бенжамена Констана. Онъ былъ горячимъ поклонникомъ свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ. «Цѣлыхъ сорокъ лѣтъ,—писалъ онъ на склонѣ своихъ дней,—я защищалъ одно и то же, а именно свободу, свободу во всемъ—въ религіи, въ философіи, въ литературѣ, въ промышленности, въ политикѣ». Но, защищая свободу, онъ вооружался противъ теоріи народовластія: въ народѣ онъ видѣлъ не менѣе опаснаго деспота, чѣмъ въ королѣ. Онъ находилъ возможнымъ дать политическія права лишь людямъ, владѣвшимъ земельной или промышленной собственностью, и, явно обнаруживая буржуазный оттѣнокъ своихъ взглядовъ, выражалъ опасеніе, что неимущіе могутъ воспользоваться своими политическими правами для того, чтобы наложить руку на собственность имущихъ. И въ другомъ отношеніи этотъ «ученикъ свободы», какъ его называли позднѣе, былъ защитникомъ интересовъ капиталистовъ: онъ требовалъ невмѣшательства государства въ отношенія между предпринимателями и рабочими, развязывая такимъ образомъ первыя руки по отношенію къ послѣднимъ.

Какимъ образомъ въ то время либерализмъ проникалъ даже и въ реакціонный лагерь и захватывалъ людей, первоначально настроенныхъ очень роялистически, ярко иллюстрируется примѣромъ Виктора Гюго и аббата Ламенэ. Первый двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ съ восторгомъ привѣтствовалъ реставрацію Бурбоновъ и въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ заявлялъ, что истинная поэзія должна буть тѣсно связана съ монархіей и католицизмомъ. Но уже къ концу двадцатыхъ годовъ онъ сталъ проникаться либеральнымъ настроеніемъ; будучи горячимъ поклонникомъ романтизма, онъ сталъ думать, что либерализмъ и романтизмъ немыслимы другъ безъ друга.

Аббатъ Ламенэ, противникъ разума и науки, крайній клерикалъ, признававшій свѣтское государство лишь въ качествѣ подчиненнаго придатка къ церкви, также довольно скоро перешелъ къ либерализму, заявляя, что либерализмъ есть возстаніе христіанскаго духа свободы противъ свѣтскаго деспотизма. Позднѣе, во время іюльской монархіи, онъ объявилъ, что привѣтствуетъ всѣ происшедшія революціи и будетъ привѣтствовать всѣ тѣ, которыя еще произойдутъ въ будущемъ. Скоро послѣ этого онъ пошелъ еще далѣе и сталъ ревностнымъ сторонникомъ идеи народовластія.

И въ исторической наукѣ двадцатыхъ годовъ замѣтно оживленіе симпатій къ либерализму и къ его главному представителю—третьему сословію. Молодой историкъ двадцатыхъ годовъ, Огюстенъ Тьерри, смотрѣлъ на третье сословіе, какъ на главнаго защитника свободы, и ставилъ это ему въ высокую заслугу. «Во Франціи,—писалъ онъ,—только два класса людей: эти два класса стоятъ другъ противъ друга, и со всѣхъ сторонъ люди пергаментовъ вооружаются противъ людей

индустріи». Другой историкъ, Гизо, видѣлъ въ Великой Революціи рѣшительную битву, которую дали поработенные своимъ поработителямъ. Тьеръ и Минье, написавшіе исторію самой революціи, не скрывали своего восторженнаго преклоненія передъ ея дѣятелями.

Осужденіе общественнымъ мнѣніемъ реакціонной политики Виллеля стало настолько очевиднымъ, что выборы 1827 г., несмотря на крайнюю несправедливость избирательнаго закона, дали побѣду (хотя и не полную) либераламъ, и король съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія былъ принужденъ дать отставку Виллелю и назначить на его мѣсто умѣреннаго роялиста Мартиньяка. Съ помощью либераловъ и умѣренныхъ Мартиньякъ провелъ рядъ либеральныхъ законовъ, обезпечивавшихъ свободу выборовъ, уничтожавшихъ предварительную цензуру для газетъ, подчинявшихъ іезуитскія школы государственному надзору и т. п. Но господство либераловъ продолжалось только полтора года. Лѣтомъ 1829 года король, уже давно интриговавшій противъ своего министерства, далъ ему отставку и призвалъ къ власти одного изъ наиболѣе рьяныхъ роялистовъ, преданнаго друга іезуитовъ и сторонника абсолютизма, князя Полиньяка.

Соціализмъ. Полиньякъ направилъ свою политику къ возвращенію землевладѣльческой аристократіи большей части тѣхъ правъ, которыми она пользовалась до революціи, но это была попытка, заранѣе обреченная на неудачу. Дворянство было тогда слишкомъ инертно и косно для того, чтобы занять первенствующее мѣсто въ государствѣ; его имѣнія были запущены и находились въ упадкѣ. Наоборотъ, буржуазія продолжала расти; въ ея рукахъ находилась вся торговля и промышленность Франціи, достигшія теперь уже значительной

степени развитія*). Она обладала почти всѣми движимыми богатствами въ странѣ и поставила въ экономическую зависимость отъ себя всѣ классы населенія.—Возвышенію буржуазіи, сопровождавшемуся постройкой фабрикъ, быстрымъ развитіемъ машиннаго производства и сосредоточеніемъ промышленности въ крупныхъ центрахъ, соотвѣтствовалъ и значительный ростъ пролетаріата. Ремесленники, которые съ уничтоженіемъ цеховой системы должны были бросить свои мастерскія и перейти въ качествѣ рабочихъ на фабрики, теперь попали въ гораздо худшія условія существованія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ они находились раньше. Нищета и безработица стали для нихъ обычнымъ явленіемъ. Экономическое порабощеніе фабричныхъ рабочихъ и раньше—именно, въ Англии,—заставляло нѣкоторыхъ экономистовъ обратить вниманіе на причину ихъ страданій. Но болѣе ранніе экономисты — Мальтусъ и Рикардо—причину бѣдственнаго положенія рабочихъ усматривали въ естественныхъ и неизбѣжныхъ законахъ, измѣнить которые не можетъ ничто. Они какъ бы обрекали рабочихъ на безысходное рабство и вѣчное полуголодное состояніе и не давали имъ никакой надежды на улучшеніе ихъ участи. Совсѣмъ иначе взглянули на дѣло первые социалисты. Они усмотрѣли причину социальныхъ бѣдствій въ несправедливости общественнаго строя, который можетъ быть измѣненъ социальными реформами. Рикардо и Мальтусъ не вѣрили въ силу социальныхъ реформъ и полагали, что свобода частныхъ отношеній людей другъ къ другу не

*) Напр., добываніе каменнаго угля съ 1820 г. по 1830 г. удвоилось; производство чугуна увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза. Внешній обмѣнъ Франціи достигъ почти миллиарда франковъ, между тѣмъ какъ въ 1814 г. онъ равнялся только 600 тысячамъ.

должна нарушаться никакимъ принудительнымъ воздействиемъ со стороны государства. Соціалисты же вмѣсто свободы личности провозгласили принципъ всемогущества государства. Они думали, что безграничная свобода въ области экономическихъ отношеній открываетъ только легкую возможность сильному эксплуатировать слабого, и что ставить личности, экономически не равносильныя, въ положеніе равноправныхъ сторонъ, вступающихъ въ договоры по добровольному соглашенію, — значить отдавать рабочихъ всецѣло на произволъ предпринимателей. Главнымъ средствомъ для защиты слабыхъ они считали соединеніе ихъ въ организованные союзы. Не личность, а общество, и притомъ организованное общество, по ихъ мнѣнію, должно стать главнымъ дѣятелемъ исторіи.

Особенно рѣзко подчеркнута мысль о необходимости общественной организаціи у графа Сень-Симона († 1825 г.) Индивидуализмъ дѣятелей французской революціи, ихъ нерасположеніе ко всякаго рода общественнымъ организаціямъ были ему глубоко несимпатичны. Во всѣхъ его сочиненіяхъ на разные лады повторяется одна идея: общество, разбитое революціей на массу ничѣмъ между собою несвязанныхъ индивидовъ, должно снова объединиться, должно стать связаннымъ во всѣхъ своихъ частяхъ организмомъ. Организація общества и прежде всего организація труда — вотъ то, что казалось Сень-Симону непосредственно подлежащей задачей исторіи. Но общество только въ томъ случаѣ можетъ быть организовано, если за его организацію возьмется крѣпкая руководящая власть. И потому Сень-Симонъ выдвигаетъ принципъ авторитета, какъ необходимое условіе всякаго прогресса. «Прогрессъ, — говоритъ Сень-Симонъ, — движется двумя

средствами: диктатурой и революціей; диктатура гораздо лучше». Въ своемъ поклоненіи принципу авторитета Сень-Симонъ сбивается на прославленіе среднихъ вѣковъ, какъ эпохи безусловной покорности человѣка общепризнанному порядку. Въ особенности восхваляетъ Сень-Симонъ папство за то, что оно свело на нѣтъ значеніе человѣческой личности и связало въ одно цѣлое все народы Европы единствомъ религіознаго настроенія. Восхваляя средневѣковье, Сень-Симонъ въ то же время относится очень критически къ принципамъ французской революціи. «Господство народа и свобода—главныя завоеванія французской революціи,—говоритъ онъ.—Но развѣ они дали что-нибудь для блага низшихъ классовъ? Развѣ имъ легче стало жить при конституціонномъ порядкѣ? Нѣтъ, теперь ихъ положеніе даже ухудшилось въ экономическомъ отношеніи». И Сень-Симонъ дѣлаетъ отсюда такой выводъ: вопросъ о формахъ политическаго строя, изъ-за котораго столько бились,—вопросъ второстепенный; гораздо важнѣе преобразование собственности, реформа экономическихъ отношеній. За пересозданіе общества на новыхъ основаніяхъ должны взяться ученые. Они властно будутъ править обществомъ и на первый планъ выдвинуть интересы людей труда, знанія и искусства. Характерно, что къ числу полезныхъ работниковъ общества Сень-Симонъ относитъ не только рабочіе классы: къ нимъ онъ причисляетъ и фабрикантовъ, и банкировъ, и техниковъ, и ученыхъ, и художниковъ. Промышленность, артистическое творчество и научныя знанія высоко цѣнились Сень-Симономъ, какъ активныя силы человѣческаго общества. Онъ отрицательно относился только къ крупнымъ землевладѣльцамъ и ко всемъ чиновникамъ, зачисляя и тѣхъ и другихъ въ разрядъ праздныхъ людей.

Указавъ на то, что французская революція оставила общество неорганизованнымъ, Сень-Симонъ не сумѣлъ однако изыскать никакого другого средства для общественной организаціи, кромѣ начала авторитета. Онъ снабдилъ новыхъ вождей общества чрезвычайной властью, но не далъ никакихъ гарантій противъ возможныхъ злоупотребленій съ ихъ стороны. По иному пути пошелъ другой ранній французскій социалистъ—Фурье. Онъ, подобно Сень-Симону, высоко цѣнилъ принципъ общественной организаціи и называлъ индивидуализмъ «новѣйшей изъ нашихъ научныхъ химеръ». «Это способъ производства,—говоритъ онъ,—безъ опредѣленнаго плана, безъ какого бы то ни было метода пропорціональнаго вознагражденія, безъ какой-либо гарантіи для производителя или наемнаго рабочаго, что его положеніе будетъ улучшаться вмѣстѣ съ ростомъ богатствъ». Индивидуалистическій способъ производства, слѣдовательно, надо замѣнить коллективнымъ; надо создать такія организаціи, въ которыхъ всѣ бы находили удовлетворяющую ихъ склонностямъ работу. Эти общественныя организаціи, которыя будутъ заключать въ себѣ приблизительно по полторы тысячи человѣкъ, Фурье называетъ фаланстерами. Въ фаланстерахъ, въ которыхъ работы будутъ безконечно разнообразны, найдутъ себѣ удовлетвореніе всѣ человѣческія влеченія. Благодаря этому въ нихъ будетъ господствовать полная свобода, такъ какъ каждый будетъ дѣлать то, къ чему онъ чувствуетъ природную склонность. Такимъ образомъ, въ противоположность Сень-Симону. Фурье находилъ возможнымъ примирить свободу съ принципомъ общественной организаціи. У него не высшій авторитетъ организуетъ общество, какъ у Сень-Симона, а слѣдованіе внутреннимъ, изначаль-

нымъ склонностямъ человѣческой природы. Фурье религіозенъ, подобно Сень-Симону. По его мнѣнію, Богъ въ первый день творенія начерталъ планъ человѣческой исторіи, и задача соціологіи—открыть этотъ планъ. Воля Бога и человѣческія переживанія совпадаютъ, и человѣкъ будетъ вполне счастливъ, когда откроетъ волю Бога, такъ какъ черезъ это онъ пойметъ, въ чемъ заключаются его истинныя влеченія.

Что касается до внутренней организаціи фаланстеръ, то она у Фурье отнюдь не была коммунистична. Онъ допускалъ тамъ и капиталъ, и наемный трудъ, и отнюдь не думалъ экспроприровать имущихъ. Къ буржуазному строю онъ вводилъ только двѣ поправки: участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія и доставленіе работы каждому, желающему получить ее, т.-е. право на трудъ. «Въ продолженіе вѣковъ,—говоритъ онъ,—мы спорили о правахъ человѣка и не подумали о томъ, чтобы признать за человѣкомъ самое существенное право—право на трудъ, безъ котораго все остальные права не имѣютъ никакой цѣны».

Іюльская революція. Противъ аристократическо-землевладѣльческой политики Полиньяка буржуазія и рабочіе повели совмѣстную борьбу. Либеральная буржуазія хотѣла дѣйствовать только конституціонными средствами, путемъ легальной оппозиціи въ палатѣ и прессѣ. Небольшая группа либераловъ организовала такъ называемую партію доктринеровъ, пытающуюся примирить требованія порядка и свободы; во главѣ этой умѣренно-либеральной партіи сталъ профессоръ Гизо. Болѣе радикальное положеніе заняла группа политическихъ дѣятелей, группировавшаяся вокругъ газеты «Національ» (Тьеръ, Минье, Арманъ Каррель): они добивались перемѣны династіи и, какъ

средство для этого, рекомендовали отказъ отъ уплаты налоговъ. Еще болѣе крайняя группа изъ интеллигентной молодежи, группировавшаяся вокругъ Лафайетта, готова была на открытую революцію и на сверженіе Карла X путемъ вооруженнаго возстанія.

Нарастаніе оппозиціоннаго настроенія въ странѣ ясно обнаружилось на выборахъ 1830 года, доставившихъ либераламъ блестящую побѣду надъ сторонниками министерства. Королю оставалось или назначить либеральное министерство, или произвести государственный переворотъ,—и онъ рѣшился на послѣднее. 25 іюля 1830 года онъ издалъ противоконституціоннымъ путемъ шесть ордонансовъ (указовъ), которыми во Франціи уничтожалась свобода печати, распускалась только что избранная палата и издавался новый избирательный законъ, которымъ избирательныя права предоставлялись лишь одному классу богатыхъ землевладѣльцевъ. 27 іюля въ газетахъ появился протестъ парижскихъ журналистовъ, собравшихся въ редакціи «Національ», противъ незаконныхъ дѣйствій правительства, заключавшій въ себѣ призывъ къ активному сопротивленію: «легальный порядокъ прерванъ, началось господство силы; въ томъ положеніи, въ которое мы поставлены, повиновеніе перестаетъ быть долгомъ». Около того же времени устраивали совѣщанія и либеральные депутаты палаты. Но прежде чѣмъ представители буржуазіи успѣли прійти къ какому-либо соглашенію, на улицу бросились рабочіе и студенты и принялись за постройку баррикадъ. Первыя баррикады были построены въ ночь на 28 іюля; днемъ толпа народа овладѣла ратушей, а на другой день войско правительства уже явно поколебалось. Оно не было расположено сражаться съ народомъ, и отдѣльные от-

ряды стали переходить на сторону инсургентовъ. 30-го іюля войска, оставшіяся вѣрными правительству, принуждены были оставить Парижъ, въ которомъ уже сформировалось временное правительство.

Карль X пошелъ на уступки и, наконецъ, увидаль себя вынужденнымъ отречься отъ престола въ пользу своего внука, но народъ рѣшительно воспротивился сохраненію престола за династіей Бурбоновъ, и корона была предложена герцогу Орлеанскому, Луи-Филиппу. Немногочисленные республиканцы протестовали противъ кандидатуры Луи-Филиппа, но либеральная буржуазія и даже Лафайеттъ, заявившій, что «Франціи нуженъ тронъ, окруженный республиканскими учрежденіями», высказались въ пользу герцога Орлеанскаго, и онъ вступилъ на престоль, принеши при этомъ торжественную присягу на вѣрность новой конституціи, составленной палатой. Эта конституція, въ сущности, была лишь частичнымъ видоизмѣненіемъ конституціонной хартіи 1814 года. Ею уничтожалась цензура, преступленія противъ законовъ о печати передавались суду присяжныхъ, возрастъ депутатовъ понижался съ сорока до тридцати лѣтъ, возрастъ избирателей съ тридцати до двадцати пяти лѣтъ, законодательная инициатива, прежде принадлежавшая одному королю, теперь распространялась на обѣ палаты. Но имущественный цензъ былъ пониженъ очень мало: для избирателей—съ 300 до 200 франковъ, а для избираемыхъ—съ 1000 до 500 франковъ. Поэтому теперь, какъ и прежде, политическими правами пользовались только имущіе классы населенія. Но отношенія самихъ имущихъ другъ къ другу измѣнились: прежде дворяне-землевладѣльцы въ общемъ имѣли перевѣсъ надъ буржуазіей, теперь буржуазія рѣшительно выдвинулась на

первый планъ. Революція 1830 года окончательно похоронила политическое значеніе старой дворянской аристократіи, но въ то же время ничего не дала и для трудящихся массъ населенія. По своему характеру она напоминала революцію 1688 года въ Англіи; она окончательно разрѣшила шестнадцатилѣтнюю борьбу между буржуазіей и землевладѣльцами въ пользу первой, подобно тому, какъ вторая англійская революція разрѣшила аналогичный споръ между торіями (землевладѣльцами) и вигами (обладателями денежнаго капитала) въ пользу виговъ. Обѣ революціи возникли послѣ болѣе широкихъ революціонныхъ движеній, происходившихъ въ этихъ странахъ нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе и приведшихъ и во Франціи и въ Англіи къ пораженію истинно-демократическихъ элементовъ, которые должны были уступить поле борьбы имущимъ классамъ. Характерно и то, что обѣ эти революціи окончились перемѣной династіи.

Слѣдствіемъ революціи 1830 года было сближеніе Франціи съ Англіей. Въ обоихъ государствахъ либеральная буржуазія имѣла теперь громадное политическое и экономическое значеніе; въ обоихъ укрѣпился конституціонный порядокъ, и поэтому они должны были сплотиться противъ Россіи, Австріи и Пруссіи, гдѣ самодержавные государи шли рука объ руку съ хотя и падавшимъ, но все-таки еще очень вліятельнымъ дворянствомъ. Восточныя самодержавныя монархіи, державшіяся въ международныхъ отношеніяхъ принциповъ Священнаго Союза, который побуждалъ ихъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла всѣхъ европейскихъ государствъ, теперь должны были считаться съ новой международной теоріей, выставленной Англіей и Франціей—теоріей невмѣшательства въ народныя движенія.

Взгляды Англии и Франціи восторжествовали въ примѣненіи къ Бельгіи, поднявшей возстаніе съ цѣлью отложиться отъ Нидерландовъ, и къ Польшѣ, пожелавшей также порвать связь съ Россіей. Для бельгійской революціи теорія невмѣшательства оказалась благопріятной, такъ какъ Нидерланды сами справиться съ Бельгіей не могли, и она получила независимость; наоборотъ, Польшу эта теорія погубила, такъ какъ она оказалась отданной въ жертву войскамъ императора Николая, покорившимъ ее снова.

Іюльская монархія 1830—1848 г.г. Царствованіе Луи-Филиппа, получившее названіе іюльской монархіи, можно раздѣлить на двѣ половины почти равной величины: въ первую половину происходило много волненій, принимавшихъ иногда характеръ возстаній: общество еще не забыло, что іюльская монархія выросла на баррикадахъ, и ожидало отъ нея политики, соотвѣтствовавшей ея происхожденію. Когда же демократическіе слои народа увидали, что результатами переворота, совершеннаго рабочими, воспользовалась только одна крупная буржуазія въ ущербъ интересамъ рабочихъ, то они заволновались и рядомъ возстаній попытались вернуть упущенную изъ рукъ побѣду. Но буржуазія уже успѣла закрѣпить за собой господство, и потому первыя попытки возстаній окончились неудачей. Вторая половина іюльской монархіи въ противоположность первой была временемъ полного затишья. Буржуазія, казалось, окончательно укрѣпилась у власти, и никто не оспаривалъ ея господства. Но эта прочность положенія буржуазіи была только кажущейся, потому что демократія собиралась съ силами, чтобы сразу нанести ей ударъ.

Буржуазія при Луи-Филиппѣ не представляла со-

бою однороднаго класса—она очень скоро послѣ захвата власти раздѣлилась на два слоя. Верхній ея слой образовали владѣльцы громаднхъ фабрикъ и заводовъ и денежные капиталисты-банкиры. Эта высшая буржуазія, владѣя дорого стоившими машинами и сосредоточивая на своихъ фабрикахъ сотни и тысячи рабочихъ, постепенно разоряла мелкую и среднюю буржуазію, которая не могла угнаться за крупными промышленниками ни въ количествѣ, ни въ дешевизнѣ производимыхъ продуктовъ. Средніе и мелкіе буржуа старались найти убѣжище въ торговлѣ, потому что въ началѣ промышленнаго періода обмѣнъ возросъ до колоссальныхъ размѣровъ, и торговое посредничество должно было дать занятіе многимъ лицамъ. Торговая буржуазія, въ эпоху іюльской монархіи, въ своемъ недовольствѣ господствующимъ строемъ сходилась съ пролетаріатомъ и участвовала совмѣстно съ нимъ въ рядѣ возстаній первыхъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа.

Луи-Филиппъ опирался на верхній слой буржуазіи. Сначала онъ призвалъ къ власти богатаго банкира Лафита. Но Лафитъ оказался неудобенъ для короля, потому что сочувствовалъ демократическому движенію внутри страны и даже хотѣлъ оказать поддержку революціоннымъ движеніямъ, возникшимъ въ другихъ странахъ подъ вліяніемъ іюльской революціи. Поэтому король вскорѣ замѣнилъ Лафита Казимиромъ Перье, тоже богатымъ банкиромъ, программа котораго вполне соответствовала интересамъ верхняго слоя буржуазіи. Перье хотѣлъ положить конецъ демократическому движенію и отказался отъ поддержки революціонныхъ движеній за границей (исключеніе было сдѣлано имъ только для Бельгіи, потому что въ Бельгіи были затронуты непосредственные интересы Франціи). Казимиръ

Перье умеръ въ 1832 году, и послѣдовавшія за нимъ министерства Гизо, Тьера и др. такъ же, какъ и онъ, боролись со всякими демократическими движеніями.

Волненія тридцатыхъ годовъ во Франціи. Изъ этихъ движеній особенно замѣчательно возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ въ ноябрѣ 1831 г. Ліонское возстаніе характерно тѣмъ, что оно было лишено всякаго политическаго характера и вызвано только экономическими причинами; это было столкновеніе труда и капитала въ самомъ чистомъ, неосложненномъ никакими политическими требованіями видѣ. Въ Ліонѣ было развито шелковое производство, въ которое было втянуто около сорока тысячъ рабочихъ; оно приносило большіе доходы фабрикантамъ, охотно вкладывавшимъ въ него свои деньги. Послѣ промышленнаго кризиса, вызваннаго революціей 30-го года, фабрикантамъ пришлось сильно сократить свое производство и понизить рабочую плату въ 5—7 разъ.

Дѣло дошло до того, что въ ноябрѣ 1831 г. 18 часовъ работы стали оплачиваться заработной платой въ 18 су *). Тогда рабочіе потребовали установленія минимума заработной платы, и ліонскій префектъ сталъ въ этомъ случаѣ на сторону рабочихъ. Фабриканты, однако, не соглашались на введеніе однообразнаго тарифа заработной платы; въ отвѣтъ на это рабочіе рѣшили прекратить повсемѣстно работу; когда они стали принуждать къ забастовкамъ тѣхъ, которые хотѣли продолжать работать, то національная гвардія, состоявшая изъ зажиточныхъ буржуа, и правительственныя войска вступили съ ними въ борьбу. Лозунгомъ рабочихъ во время этой борьбы было: «жить работая, или

*) Су - около 1 $\frac{1}{4}$ коп.

умереть сражаясь». Имъ удалось захватить въ свои руки городъ, но и послѣ этого они держались чисто экономической точки зрѣнія и продолжали думать, что главное—улучшить экономическое положеніе народа,—несмотря на то, что нѣкоторыми были сдѣланы попытки увлечь ихъ на путь политической революціи и побудить выставить требованіе республики. Правительство увидало въ этомъ движеніи очень опасный признакъ. Въ городъ были отправлены войска, которыя безъ труда справились съ инсургентами. Послѣ подавленія возстанія палата депутатовъ единогласно вотировала адресъ королю за то, что онъ сталъ на защиту священнаго права собственности, которое «было поколеблено въ самомъ своемъ принципѣ, и свободы промышленности, которой грозило уничтоженіе».

Лионское возстаніе ясно показало, что рабочіе прониклись сознаниемъ солидарности своихъ интересовъ и своей коллективной силы. Въ этомъ заключалось великое социальное значеніе лионскихъ событій; но буржуазная пресса того времени совершенно не поняла этого значенія и успокаивала правительство и палату тѣмъ, что это было простое столкновение фабрикантовъ и рабочихъ, не угрожающее неприкосновенности существующаго строя.

Вскорѣ послѣ этого (въ іюнѣ 1832 года) вспыхнуло возстаніе и въ Парижѣ по случаю похоронъ либеральнаго генерала Ламарка. Вожди республиканской партіи воспользовались похоронами, чтобы поднять народъ противъ правительства; къ нимъ примкнули рабочіе, ремесленники, старые наполеоновскіе солдаты и многіе студенты.

Выдающуюся роль тогда сыграли тайныя револю-

ціонныя общества*) которыя выступили на похоронахъ сплоченными рядами и съ собственными значками. Члены обществъ стремились скорѣе къ социальнымъ преобразованіямъ, чѣмъ къ политическимъ; но они преимущественно защищали интересы не рабочихъ, а мелкой буржуазіи—ремесленниковъ, лавочниковъ и т. п. Ихъ основными требованіями были раздѣлъ собственности и распредѣленіе ея между возможно большимъ количествомъ лицъ. Это былъ протестъ противъ развитія капитализма и попытка вернуться къ стариннымъ формамъ мелкой промышленности. Поэтому рабочіе, самое существованіе которыхъ было связано съ господствомъ крупнаго производства, оставались довольно равнодушными къ проповѣди тайныхъ обществъ. Парижское возстаніе 1832 года окончилось такъ же неудачно, какъ и ліонское: хотя участники похоронъ и принялись за постройку баррикадъ, но баррикады были легко разрушены пушечными выстрѣлами, и само возстаніе подавлено, при чемъ съ обѣихъ сторонъ пало около восьмисотъ человѣкъ. Соціальное значеніе парижскаго возстанія 1832 года заключалось въ томъ, что оно доказало солидарность мелкой буржуазіи и интеллигенціи съ рабочимъ пролетаріатомъ и готовность ихъ совмѣстно бороться противъ правительства Луи-Филиппа.

Послѣ этого въ Парижѣ и другихъ городахъ возстанія возникали еще нѣсколько разъ; напуганное правительство рѣшилось бороться противъ нихъ путемъ крайнихъ репрессій и провело черезъ обѣ палаты законы, ограничивавшіе свободу печати и уничтожавшіе нѣкоторыя формальныя гарантіи правосудія въ поли-

*) Наибольше извѣстныя изъ нихъ: „правъ человѣка“, „друзей народа“, „время года“ и т. п.

тических процессахъ. Удовлетворить требованія рабочихъ и мелкой буржуазіи правительство не собиралось, продолжая дѣйствовать въ духѣ интересовъ капиталистовъ. Чтобы оградить ихъ отъ конкуренціи иностранной промышленности, оно ввело высокія пошлины на многіе ввозные товары, благодаря чему потребители должны были платить очень дорогую цѣну за эти товары. Оно разрѣшило богатымъ людямъ откупаться отъ военной службы за деньги, и вслѣдствіе этого вся тяжесть воинской повинности легла на неимущихъ. Когда рабочіе пытались обратиться за защитой отъ предпринимательской эксплуатаціи къ палатамъ или правительству, то имъ отвѣчали ссылками на теорію невмѣшательства государства въ экономическую жизнь и указывали, что «не дѣло палаты приискивать работу». Въ то же время въ явномъ противорѣчій съ этой теоріей, правительство запрещало рабочимъ соединяться въ союзы и налагало суровыя наказанія за всякую попытку организоваться.

Последнее возстаніе, поднятое тайнымъ «обществомъ время года» возникло въ 1839 году; послѣ этого во Франціи наступило спокойствіе, уже ничѣмъ не нарушаемое. Прекратилась и частая смѣна министерствъ, столь характерная для первой половины царствованія Луи-Филиппа; у власти стало министерство Гизо *), пріобрѣтшее, казалось, прочное положеніе, пользовавшееся безусловной поддержкой палаты депутатовъ (къ этому времени во Франціи окончательно укрѣпился парламентаризмъ, т. е. образованіе министерства изъ

*) Главнымъ противникомъ Гизо былъ Тьеръ, занимавшій нѣсколько болѣе лѣвое мѣсто въ парламентѣ, чѣмъ Гизо, но по своему отношенію къ рабочимъ отстававшійся отъ него очень мало.

партіи, составлявшей большинство въ парламентѣ). Гизо въ эпоху реставраціи былъ гонимымъ за свой либерализмъ профессоромъ Сорбонны; теперь онъ взялъ на себя роль охранителя экономическаго и политическаго преобладанія высшаго слоя буржуазіи. При такомъ министрѣ Луи-Филиппъ могъ окончательно повернуть спину революціи, возведшей его на престолъ, и въ области внѣшней политики сталъ сближаться съ консервативными державами материка, все болѣе расходясь въ то же время съ Англіей*). Гизо доходилъ до того, что протягивалъ дружелюбно руку Меттерниху и въ письмѣ къ нему заявлялъ, что «только при содѣйствіи Австріи французской консервативной политикѣ можно успѣшно бороться съ революціоннымъ и анархическимъ духомъ». Внутри страны онъ не довѣрялъ демократіи и въ буржуазіи видѣлъ цвѣтъ націи—классъ, доступъ въ который открытъ всеѣмъ способнымъ, бережливымъ и трудолюбивымъ людямъ. Поэтому система всеобщаго избирательнаго права казалась ему «безсмыслицей, которой нѣтъ мѣста на свѣтѣ».

Соціализмъ въ эпоху іюльской монархіи. Рабочее движеніе не затихло въ 40-хъ годахъ во Франціи; рабочіе только отказались отъ попытокъ сразу пересоздать общественныя отношенія и перешли къ болѣе постепенной и менѣе стремительной борьбѣ противъ буржуазіи, развитіе которой во Франціи шло **впередъ** съ поразительной быстротой. Защитниками интересовъ пролетаріата въ это время явились Луи-Бланъ и Прудонъ. Луи-Бланъ, въ противоположность ліонскимъ инсургентамъ, понималъ, что для обезпеченія

*) Напримѣръ, въ Швейцаріи онъ сталъ поддерживать іезуитскую партію, борющуюся съ демократами.

интересовъ пролетаріата необходимо прежде всего завладѣть государственной властью. «Овладѣйте властью, если не хотите, чтобы она раздавила васъ, возьмите ее, какъ орудіе, если не хотите ее встрѣтить, какъ препятствіе»,—говорилъ онъ. Поэтому прежде всего онъ требовалъ установленія республики и всеобщаго избирательнаго права. Другой характерной чертой ученія Луи-Блана является вѣра въ возможность союза между буржуазіей и пролетаріатомъ, въ возможность сотруднической между ними дѣятельности. По мнѣнію Луи-Блана, капиталистическій строй губить не только рабочихъ, понижая до «голоднаго» уровня заработную плату и изнуря ихъ силы елишкомъ продолжительнымъ рабочимъ днемъ: онъ губить и буржуазію, заставляя ее членовъ вступать между собою въ безпощадную экономическую борьбу, изъ которой побѣдителями выйдутъ только самые сильные. Не далеко то время,—говорилъ Луи-Бланъ,—когда во всей Франціи останется только десятокъ крупныхъ собственниковъ, а всѣ остальные пойдутъ къ нимъ въ батраки. Поэтому буржуазія въ равной мѣрѣ съ пролетаріатомъ заинтересована въ совершеніи переворота, который устранилъ бы экономическое неравенство. Революція вслѣдствіе этого совершится мирнымъ путемъ, потому что уже скоро въ числѣ защитниковъ стараго строя не останется почти никого. Первой задачей революціи будетъ обезпеченіе всякому права на трудъ. На государственный счетъ должны быть учреждены особыя общественныя мастерскія, въ которыхъ всякій желающій будетъ имѣть возможность принимать участіе не только своимъ трудомъ, но и своими сбереженіями. Частной промышленности поневолѣ придется уступить, потому что она не будетъ въ состояніи конкурировать съ предпріятіями, организованными на

средства государства, у котораго всегда больше капитала и знанія, чѣмъ у частныхъ лицъ. Постепенно въ руки государства перейдутъ всѣ промышленныя предприятия, а за ними и земля.

Прудонъ, въ противоположность Луи-Блану, не вѣрилъ въ возможность солидарной дѣятельности пролетаріата и буржуазіи. Объединеніе буржуазіи и рабочихъ, по мнѣнію Прудона, не можетъ произойти ни на какой почвѣ. Ихъ интересы въ корнѣ противоположны, и рабочимъ надо думать не о союзѣ съ фабрикантами, а о революціонной борьбѣ съ ними. Такъ же, какъ и Луи-Бланъ, Прудонъ считалъ существующій строй разлагающимся, но въ его глазахъ страдаетъ отъ этого только одинъ пролетаріатъ. Такимъ образомъ Прудонъ являлся поборникомъ не классовой солидарности, какъ Луи-Бланъ, а классовой борьбы. Источникомъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій Прудонъ считалъ право собственности. Собственность не можетъ, по мнѣнію Прудона, привести въ свое оправданіе ничего, кромѣ словъ: «я существую, потому что существую»—и по своей сущности является не чѣмъ инымъ, какъ кражей. Но Прудонъ не считалъ необходимымъ уничтожать частную собственность: по его мнѣнію, достаточно организациі производителей товариществъ, обеспечивающихъ вознагражденіе, соотвѣтствующее труду, уничтоженія денегъ и процента и введенія обмѣна продуктами по ихъ трудовой стоимости. Прудонъ отличался отъ Луи-Блана и въ другомъ отношеніи: Луи-Бланъ былъ защитникомъ сильной государственной власти, а Прудонъ—самымъ яркимъ ея противникомъ: для того, чтобы свобода была обеспечена,—говорилъ онъ,—необходимо, чтобы государственная власть перестала существовать. Въ будущемъ государствѣ не будетъ центральнаго пра-

вительства надъ всей страной. Государство разобьется на отдѣльныя общины, объединенныя въ федерацію, и федеративный строй распространится по всему міру.

Февральская революція. Къ концу сороковыхъ годовъ во Франціи, съ одной стороны, усилилось реакціонное направленіе правительства, а съ другой— въ обществѣ выросло недовольство своекорыстной политикой господствующаго класса и поддерживавшаго его министерства Гизо. Тонъ правительственной политикѣ задавали биржевые дѣльцы, банкиры, владѣльцы каменноугольныхъ копей и желѣзнодорожные воротилы; всѣ они были охвачены жаждой власти и наживы, и единственнымъ рычагомъ всѣхъ ихъ дѣйствій были деньги. Сухой и узкій коммерческій духъ буржуазіи, педантическое самодовольство Гизо и его эгоистическая мѣщанская политика,—все это вызывало противъ себя крайнее озлобленіе активныхъ гражданъ, не принадлежавшихъ къ небольшой кучкѣ дѣльцовъ, стоявшихъ у власти. Національная гвардія, принадлежавшая къ городскому населенію средняго достатка, провожала короля на парадахъ криками: «да здравствуетъ реформа!» Историки Великой Революціи (Ламартинъ, Луи-Бланъ и Мишле) своими сочиненіями возбуждали сочувствіе къ ея дѣятелямъ. Молодые литераторы и художники стремились походить даже внѣшностью на якобинцевъ съ ихъ демократической простотой въ костюмѣ и разговорѣ. Эмигранты изъ Италіи, Германіи и Польши массами стекались въ Парижъ и печатали здѣсь революціонныя сочиненія на своихъ родныхъ языкахъ, возбуждая этимъ еще больше и безъ того оппозиціонное настроеніе населенія французской столицы.

Въ палатѣ депутатовъ оппозиція, принадлежавшая къ средней буржуазіи, добивалась, съ одной стороны,

сокращенія числа депутатовъ, состоящихъ на государственной службѣ, такъ какъ раздача должностей депутатамъ была замаскированнымъ ихъ подкупомъ; съ другой стороны, она требовала реформы избирательнаго права (но даже вожди радикальной партіи не шли при этомъ дальше пониженія ценза до пятидесяти франковъ). Однако, консервативно настроенная палата рѣшительно отвергала всякія реформы, и оппозиція все болѣе убѣждалась, что противъ правительства надо дѣйствовать не въ парламентѣ, а за его стѣнами. Въ 1847 году общественное раздраженіе противъ Гизо достигло крайнихъ предѣловъ: во Франціи былъ неурожай, а правительство въ угоду землевладѣльцамъ запретило ввозъ въ страну иностраннаго хлѣба, что подняло на него цѣны. Отъ вздорожанія хлѣба пострадали не только горожане, но и крестьяне, и въ разныхъ мѣстахъ страны противъ правительства стали происходить возстанія. Это создавало почву для успѣха внѣпарламентской оппозиціи, которая пока дѣйствовала совмѣстно, объединяя сторонниковъ и средней буржуазіи (среди которыхъ особенно выдѣлялся Одилонъ Барро), и мелкой (Ледрю Ролленъ), и пролетаріата (Луи Бланъ). Депутаты оппозиціи заявили, что они не намѣрены болѣе жаловаться на министерство большинству палаты, а хотятъ жаловаться на это большинство странѣ, стоящей выше палаты, и стали разъѣзжать по провинціи, устраивая политическія собранія, оканчивавшіяся резолюціями въ пользу расширенія избирательнаго права. Въ Парижѣ также происходили частые банкеты. Одинъ изъ нихъ, съ особенно большимъ числомъ предполагаемыхъ участниковъ, былъ назначенъ на 22 февраля 1848 года. Правительство запретило этотъ банкетъ, и подъ влияніемъ этого даже наиболѣе

радикальные вожди оппозиціи, не надѣясь на успѣхъ, рѣшили отказаться отъ многотысячной уличной демонстраціи, которой банкетъ долженъ былъ сопровождаться.

Этому воспротивились рабочіе и самостоятельно начали постройку баррикадъ. Неожиданно для короля къ недовольнымъ присоединилась и часть національной гвардіи, которая потребовала отставки Гизо. Король уступилъ, назначилъ новое министерство, но это уже никого не удовлетворило, и волненія стали только разрастаться. 23 февраля произошли кровавыя столкновения народа съ солдатами, а къ вечеру этого дня въ Парижѣ началось общее возстаніе. Всю ночь на 24 февраля строились баррикады; къ утру Парижъ былъ уже весь во власти возставшихъ. Толпа стала угрожать даже королевскому дворцу. Король явился тогда къ своимъ войскамъ, но регулярная армія оказала ему холодную встрѣчу, а національная гвардія встрѣтила короля криками: «да здравствуетъ реформа!». Всѣми оставленному королю (Гизо еще ночью бѣжалъ изъ Парижа, переодѣтый въ женское платье) ничего другого не оставалось, какъ отказаться отъ престола въ пользу своего внука, но спасти монархію оказалось уже невозможнымъ. Въ палатѣ депутатовъ и въ ратушѣ собрались вожди оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій, и тамъ, при участіи случайно оказавшихся на мѣстѣ кучекъ народа, студентовъ, національныхъ гвардейцевъ и депутатовъ, были составлены два списка членовъ временнаго правительства: болѣе умѣренный въ палатѣ депутатовъ и болѣе радикальный—въ ратушѣ *). Вскорѣ затѣмъ

*) Эти списки были выработаны въ редакціяхъ умѣренно-республиканской газеты „Національ“ и радикальной, отчасти даже социалистической „Реформа“.

оба списка были согласованы (по настоянію собравшихся въ ратушѣ, въ палатскій списокъ были внесены имена Луи-Блана, Флокона и рабочаго Альбера), и вновь образовавшееся временное правительство издало прокламацію къ народу, провозглашавшую во Франціи республику.

Начало второй республики и іюньское возстаніе. Февральская революція была совершена главнымъ образомъ рабочими Парижа и носила ярко выраженный социальный характеръ. Соціалистическія и коммунистическія идеи и раньше были распространены среди пролетаріата, и рабочіе ждали отъ революціи не только доступа къ политическимъ правамъ, но и социальныхъ реформъ, которыя должны были улучшить экономическое положеніе рабочихъ. Но большинство членовъ временнаго правительства *) боялось социализма и желало опереться не на тѣхъ, кто совершилъ революцію, а на среднюю буржуазію, которая въ царствованіе Луи Филиппа была оттѣснена на задній планъ, теперь же съ ужасомъ думала о возможномъ успѣхѣ социализма. Представителями мелкой, полуреволюціонной буржуазіи былъ Ледрю Ролленъ, получившій во временномъ правительствѣ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, социалисты же выбрали во временное правительство Луи-Блана, Флокона и Альбера **).

Только Ламартинъ (онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ) считалъ себя стоящимъ выше всѣхъ партій, но на дѣлѣ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ всякихъ реформъ социального характера.

*) Именно тѣ, кто были предложены редакціей „Националь“: Араго, Дюпонъ, Мари, Гарнье-Паже, Кремье и Марра.

**) Ледрю-Ролленъ и социалисты были кандидатами газеты „Реформа“.

Несмотря на свои симпатіи къ среднимъ слоямъ буржуазіи, временное правительство на первыхъ порахъ нашло нужнымъ заручиться расположеніемъ пролетаріата, который не сложилъ оружія и послѣ 24 февраля и потому вынуждалъ съ собой считаться. Уже 27 февраля оно издало манифестъ, которымъ обязалось «обеспечить существованіе всякаго рабочаго трудомъ и доставить работу всѣмъ гражданамъ». 29 февраля оно учредило особую комиссію *) подѣ предѣдательствомъ Луи-Блана, которая должна была разработать вопросы, относящіеся къ положенію рабочихъ. Луи-Бланъ сначала отказался отъ такого порученія: «мнѣ поручаютъ, — сказалъ онъ, — прочитать передъ голодными людьми курсъ о голодѣ, но моя совѣсть не позволяетъ мнѣ взять на себя такую роль». Но позднѣе онъ позволилъ себя упротить. Въ комиссію были вызваны делегаты отъ рабочихъ, но ей не было дано ни власти, ни матеріальныхъ средствъ, и потому всѣ ея постановленія, направленные къ дѣйствительному улучшенію рабочихъ, остались мертвой буквой.

Въ то же время правительство учредило такъ называемыя національныя мастерскія, въ которыхъ должны были найти работу всѣ безработные; мастерскія были организованы на государственный счетъ. Учреждая національныя мастерскія, ихъ организаторъ, одинъ изъ наиболѣе правыхъ членовъ временнаго правительства, Мари хотѣлъ, съ одной стороны, доказать рабочимъ на опытѣ непрактичность ученія Луи-Блана объ обязанности государства доставлять желающимъ работу, а съ другой стороны — склонить рабочихъ на сторону большинства временнаго правительства, отвлечь ихъ отъ социализма

*) Она получила названіе Люксембургской комиссіи.

и имѣть въ нихъ оплотъ противъ социалистически настроенной части пролетаріата. Въ общественныя мастерскія устремилась масса рабочихъ, выкинутая на улицу промышленнымъ кризисомъ 1847 г. и революціей 1848 г. Въ началѣ марта въ нихъ работало 17 тысячъ, а 14 мая—уже около 100 тысячъ. Вся эта масса рабочихъ была поставлена на совершенно бесполезныя земляныя работы, и для содержанія ихъ потребовалось увеличить все налоги почти въ полтора раза. Это сразу вооружило противъ республики крестьянское населеніе, которое слышало, что повышение налоговъ было вызвано какой-то социалистической затѣей; поэтому оно вооружилось и противъ республики, и противъ социализма. Такое настроеніе крестьянства обнаружилось съ полной силой на выборахъ въ Учредительное Собраніе, происходившихъ ранней весной 1848 года на основаніи всеобщаго избирательнаго права: въ Собраніе было выбрано очень много умѣренныхъ республиканцевъ, которые составили въ немъ большинство и рѣшительно не хотѣли никакихъ социальныхъ реформъ; затѣмъ въ него попало довольно много монархистовъ, которые желали уничтожить самое республику; социалисты получили въ Учредительномъ Собраніи лишь незначительное количество мѣстъ; зато значительную группу въ немъ образовали ревностные католики и священники. Собраніе немедленно провозгласило республику и вмѣсто временнаго правительства избрало исполнительную комиссію изъ пяти лицъ, въ которой наиболѣе лѣвое мѣсто занялъ Ледрю Ролленъ; социалисты оказались исключенными изъ состава новаго правительства. Затѣмъ Учредительное Собраніе предприняло рядъ мѣръ противъ національныхъ мастерскихъ, которыя въ его глазахъ являлись воплощеніемъ социалистическихъ стремленій пролетаріата.

Эти мѣры заключались изданіемъ 21 іюня декрета, предписывавшаго удалить въ провинцію или записать въ солдаты всѣхъ холостыхъ рабочихъ, работавшихъ въ національныхъ мастерскихъ. Это было прямымъ вызовомъ, брошеннымъ пролетаріату, которому теперь въ самой палатѣ бросали открыто обвиненіе въ стремленіи къ поджогамъ, грабежамъ и безначалію. Чаша терпѣнія рабочихъ переполнилась, и они открыто возстали противъ правительства и Учредительнаго Собранія за нарушеніе обѣщанія, вырваннаго февральской революціей. Съ ранняго утра 23 іюня въ разныхъ мѣстахъ Парижа одна за другой стали строиться баррикады; ихъ возникновенію никто не мѣшалъ, такъ какъ по плану военнаго министра, генерала Кавеньяка, принявшаго начальство надъ правительственными войсками и надъ національной гвардіей, надо было избѣгать мелкихъ баррикадныхъ стычекъ и дѣйствовать противъ возставшихъ большими отрядами. Къ войскамъ Кавеньяка примкнуло много добровольцевъ изъ состоятельной буржуазіи, и поэтому борьба приняла характеръ столкновенія двухъ противоположныхъ другъ другу общественныхъ классовъ: буржуазіи и пролетаріата. Бой достигъ крайняго ожесточенія и продолжался цѣлыхъ четыре дня. Съ обѣихъ сторонъ были допущены крайнія жестокости; но когда 26 іюня побѣда склонилась на сторону правительства, то оно устроило настоящую бойню побѣжденныхъ. Не только инсургенты, но и мирные граждане, почему-либо внушавшіе опасеніе правительству, подвергались массовымъ разстрѣламъ.

Всюду за подавленіемъ возстанія наступила страшная реакція. Отъ 12 до 14 тысячъ участниковъ возстанія были сосланы безъ суда во французскія колоніи; зачинщики и предводители подверглись смертной каз-

ни; національныя мастерскія были уничтожены, печать снова подверглась стѣсненіямъ, не уступавшимъ тѣмъ, которыя давили ее во время іюльской монархіи. Для газетъ были возстановлены залогои. Луи-Бланъ принужденъ былъ бѣжать за границу съ горькимъ сознаниемъ, что социалистическая партія вполне уничтожена во Франціи. Зато Кавеньякъ, назначенный диктаторомъ еще во время іюнскаго возстанія, теперь получилъ титулъ «главы исполнительной власти и президента кабинета».

Конституція 1848 года и бонапартистскій переворотъ. Осенью 1848 года была обнародована новая конституція. Во вступленіи къ ней говорилось, что французская республика, демократичная, единая и нераздѣльная, признаетъ своимъ принципомъ свободу, равенство и братство; что граждане должны любить отечество и служить ему, не щадя своей жизни; что республика должна помогать нуждающимся и давать средства къ существованію тѣмъ изъ нихъ, которые не въ состояніи работать. Но всѣ эти фразы, послѣ подавленія іюнскаго возстанія, были въ глазахъ пролетаріата только насмѣшкой надъ его правами. Затѣмъ говорилось, что всѣ общественныя власти, каковы бы онѣ ни были, проистекають отъ народа; суверенный народъ избираетъ на основѣ всеобщаго и прямого голосованія, во-первыхъ, единственную палату, обладающую законодательной властью, а затѣмъ президента республики, который является главой исполнительной власти и назначаетъ отвѣтственныхъ передъ палатой министровъ. Нѣкоторые депутаты уже тогда выражали опасеніе, что президентъ, избранный народомъ, а не палатой, можетъ стать опаснымъ для самой республики и снова повторить государственный переворотъ 18 брюмера. Но Ламартины краснорѣчиво защищали всенародное избраніе

президента, указывая на то, что бурные эпохи требуют энергичной власти.

На президентских выборах, происходивших осенью 1848 года, обнаружилось вполне ясно настроеніе различныхъ общественныхъ классовъ во Франціи. Буржуазія, которая считала свое положеніе вполне обезпеченнымъ послѣ подавленія іюньскаго возстанія, выставила кандидатуру Кавеньяка. Но съ этой кандидатурой не могли примириться ни крестьяне, которые были недовольны буржуазной республикой за увеличеніе налоговъ, ни рабочіе, которые не могли простить Кавеньяку іюньской бойни, ни мелкая буржуазія, которая была раздражена противъ Учредительнаго Собранія за отверженіе имъ прогрессивнаго налога на имущество *), принятіе котораго было бы крайне выгодно для владѣльцевъ небольшихъ состояній. Поэтому-то Кавеньякъ при семи съ половиной милліоновъ голосовавшихъ получилъ лишь полтора милліона голосовъ. Мелкая радикальная буржуазія попробовала выставить даже самостоятельную кандидатуру Ледро-Роллена, но онъ получилъ лишь нѣсколько сотъ тысячъ голосовъ. Неожиданно огромное большинство голосовъ (5½ милл.) собралъ Луи-Наполеонъ, племянникъ Наполеона I, который еще во время іюльской монархіи сдѣлалъ двѣ попытки поднять въ свою пользу народъ, за что сидѣлъ даже 6 лѣтъ въ тюрьмѣ. Онъ былъ почти совершенно неизвѣстнымъ лицомъ для французовъ, но въ немъ видѣли носителя идей его дяди, представителя демократической монархіи; на немъ сошлись самые различные классы.

*) Прогрессивнымъ налогомъ называется такой налогъ, при которомъ процентъ обложенія повышается по мѣрѣ роста облагаемыхъ имуществъ (напр., съ 1000 руб. берется 1%, съ 3000—2%, съ 5000—3% и т. д.).

Крестьяне, руководимые монархистами и клерикалами, смотрѣли на него, какъ на человѣка, способнаго положить конецъ «республикѣ богатыхъ». Часть пролетаріата, не надѣясь провести собственнаго кандидата, также голосовала за Луи-Наполеона, потому что онъ былъ противникомъ ненавистнаго Кавеньяка. Монархисты видѣли въ президентствѣ Наполеона лишь переходную ступень къ возстановленію монархіи. Наконецъ, для арміи имя Бонапарта было дорогимъ по еще незабытымъ воспоминаніямъ военной славы.

Но Луи-Наполеонъ обманулъ ожиданія всѣхъ тѣхъ, которые надѣялись въ немъ видѣть орудіе своихъ плановъ; онъ составилъ министерство изъ представителей консервативнаго *) большинства парламента, послалъ противъ воли Учредительнаго Собранія экспедицію въ Италію для оказанія помощи папѣ противъ возставшихъ его подданныхъ, окружилъ свой дворъ въ Елисейскомъ дворцѣ чисто королевской пышностью и—явно даже для современниковъ—сталъ готовить возвращеніе монархіи.

Настроеніе страны было благопріятно для этого. Въ Національномъ Собраніи, смѣнившемъ Учредительное въ маѣ 1849 г., монархисты уже обладали большинствомъ двухъ третей всего собранія, а умѣренно-республиканская партія имѣла только около 70 голосовъ; зато довольно много мѣстъ (около 180) получили радикалы (Гора) и социалисты. Радикалы (во главѣ съ Ледрю Ролленомъ) еще разъ (въ іюнѣ 1849 г.) попробовали поднять въ Парижѣ народное возстаніе, но оно было быстро подавлено правительственными войсками. Ледрю Ролленъ принужденъ былъ бѣжать за границу, и радикальная партія была разгромлена.

*) Монархическаго и буржуазнаго.

Покончивъ съ Горой при помощи консервативнаго большинства Національнаго Собранія, Луи-Наполеонъ повелъ борьбу противъ умѣренно-республиканской партіи, опираясь по большей части на монархическое большинство Собранія; послѣднее однако отказывалось служить его видамъ, имѣя въ виду кандидатуру кого-нибудь изъ членовъ орлеанской или бурбонской династіи. Тогда Наполеонъ рѣшилъ найти себѣ поддержку внѣ парламента, въ самой странѣ. Онъ понялъ, что наилучшее содѣйствіе его притязаніямъ можетъ доставить ему духовенство, имѣвшее громадную власть надъ крестьянами. Поэтому въ 1850 году онъ провелъ черезъ палату законъ относительно преподаванія, которымъ, во имя «свободы обученія», всѣмъ духовнымъ давалось право открывать среднія и низшія школы и преподавать въ нихъ безъ особаго государственнаго экзамена, въ силу одной лишь принадлежности къ духовенству.

Этимъ закономъ прежде всего воспользовались разныя религіозныя корпораціи. Онъ получилъ особенное примѣненіе въ женскомъ воспитаніи, и благодаря ему женское воспитаніе цѣликомъ попало въ руки монахинь. Но, ограничивая контроль государства надъ духовенствомъ, законъ этотъ ставилъ подъ усиленный надзоръ правительства всѣхъ свѣтскихъ преподавателей: они были взяты подъ подозрѣніе, какъ распространители ученій революціи и социализма; префекты получили право устранять народныхъ учителей съ вреднымъ образомъ мыслей, а въ высшій совѣтъ по учебнымъ дѣламъ были введены члены духовенства. Авторомъ этого закона былъ Фаллу, а ревностнымъ его защитникомъ въ палатѣ—Тьеръ. Благодаря закону Фаллу крестьяне были отданы подъ опеку духовенства и лишены школьнаго учителя. Затѣмъ былъ проведенъ законъ, которымъ еще болѣе,

чѣмъ прежде, органичивалась свобода печати (между прочимъ газеты сдѣланы были болѣе дорогими, вслѣдствіе установленія налога на каждый экземпляръ).

Наконецъ, былъ сдѣланъ шагъ къ ограниченію всеобщаго избирательнаго права; именно, закономъ 31 мая 1850 года для пользованія избирательнымъ правомъ было установлено требованіе трехлѣтняго жительства въ предѣлахъ избирательнаго участка; затѣмъ избирательныхъ правъ лишались осужденные за участіе въ тайныхъ обществахъ, мятежахъ и за оскорбленіе власти. Этотъ законъ лишилъ избирательныхъ правъ почти всѣхъ городскихъ рабочихъ, которымъ приходилось переходить съ одного мѣста на другое, а также вождей социалистической и радикальной партіи. Этимъ закономъ число избирателей было сразу сокращено на три милліона. Затѣмъ Луи-Наполеонъ сталъ усиленно вербовать себѣ приверженцевъ въ администраціи и арміи. Всѣ должности, начиная съ префекторовъ и кончая сельской полиціей, были замѣщены усердными приверженцами Наполеона. Такихъ же приверженцевъ онъ понасаждалъ и на высшія мѣста въ арміи. Генералы, которые запрещали солдатамъ привѣтствовать Наполеона криками «да здравствуетъ императоръ!», получали отставку (такая участь постигла монархиста Шангарнье, главнокомандующаго арміей и парижской національной гвардіей).

Заручившись поддержкой духовенства, арміи и администраціи и опираясь на сочувствіе крестьянства, все еще не понимавшаго, что Луи-Наполеонъ, въ сущности, ищетъ поддержки имущихъ классовъ—землевладѣльцевъ и крупной буржуазіи, президентъ сталъ добиваться отмѣны той статьи конституціи 1848 года, которая запрещала переизбраніе президента на слѣдующее че-

тырехлѣтіе. Въ палатѣ не составилось квалифицированнаго болѣшинства, въ $\frac{3}{4}$ голосовъ, нужнаго для отмѣны статьи, и Наполеонъ рѣшилъ прибѣгнуть къ государственному перевороту, предварительно внесши въ палату, для пріобрѣтенія сочувствія демократіи, предложеніе объ отмѣнѣ закона 31 мая 1850 г.

Въ ночь на 2 декабря 1851 года, по приказанію Наполеона, было арестовано много вліятельныхъ членовъ Национальнаго Собранія (генералы Шангарнье и Кавеньякъ, Тьеръ, В. Гюго и др.); утромъ 2 декабря по городу были расклеены прокламаціи, которыми Луи-Наполеонъ объявлялъ о роспускѣ палаты и объ отмѣнѣ закона 31 мая и призывалъ народъ выразить ему довѣріе путемъ всеобщаго голосованія. Члены палаты собрались въ квартирѣ Од. Барро и составили прокламацію, обвинявшую президента республики въ измѣнѣ и призывавшую парижскій гарнизонъ въ распоряженіе Национальнаго Собранія. Одновременно съ этимъ часть радикаловъ пробовала поднять возстаніе, и, дѣйствительно, въ ночь со 2 на 3 декабря въ Парижѣ стали строиться баррикады. Но на нихъ появились лишь небольшія группы буржуазіи и интеллигенціи; число защитниковъ баррикадъ оказалось незначительно, и войска Луи-Наполеона съ ними легко справились.

Возстанія пролетаріата не произошло, потому что онъ, съ одной стороны, еще не оправился отъ іюньскаго пораженія, съ другой—утратилъ вѣру въ возможность соціальной революціи. Лишь въ провинціи кое-гдѣ были сдѣланы попытки возстанія, но повсюду возставшихъ легко усмирили. Затѣмъ начались суровыя репрессіи противъ всѣхъ предполагаемыхъ враговъ, президента. Было арестовано около 26 тысячъ человекъ, изъ которыхъ около половины было сослано въ Алжиръ и въ

Кайену, три тысячи были посажены въ тюрьму, а остальные подвергнуты болѣе легкимъ наказаніямъ.

Плебисцитъ (всеобщее голосованіе) далъ благоприятные для Наполеона результаты. Произведенный имъ переворотъ былъ одобренъ семью съ половиной милліонами голосовъ противъ 467 тысячъ. Крестьяне и буржуазія попрежнему продолжали видѣть въ Наполеонѣ спасителя отъ «краснаго призрака» соціальной революціи. Основываясь на этомъ голосованіи, Наполеонъ своей властью—«въ силу полномочій, врученныхъ ему всенароднымъ голосованіемъ»—обнародовалъ въ январѣ 1852 года новую конституцію, бывшую воспроизведеніемъ конституціи VIII года. Конституція 1852 года вручала исполнительную власть президенту, избираемому всенароднымъ голосованіемъ на 10 лѣтъ и отвѣтственному предъ народомъ (въ этомъ положеніи президента Наполеонъ видѣлъ осуществленіе принципа народовластія, провозглашеннаго въ 1789 г.). Министры были неотвѣтственны передъ законодательнымъ собраніемъ и объявлялись зависящими только отъ президента; при этомъ они могли быть не солидарны другъ съ другомъ, чѣмъ уничтожалась возможность образованія кабинета. Президентъ начальствовалъ надъ морскими и сухопутными силами, объявлялъ войну, заключалъ миръ, и все должностныя лица и депутаты приносили ему присягу на вѣрность. Законодательная власть вручалась Государственному Совѣту, назначавшемуся президентомъ и подготовлявшему законопроекты, затѣмъ Законодательному Корпусу, члены котораго избирались на 6 лѣтъ всеобщей подачею голосовъ и имѣли право лишь вѣтировать законы и налоги, и Сенату, состоявшему изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и призванному охранять конституцію. Право законодательной

иниціативы принадлежало лишь одному президенту. Фактически по новой конституції вся власть принадлежала президенту, потому что даже члены Законодательнаго Корпуса избирались подъ сильнымъ давленіемъ правительства.

Чтобы превратить власть Наполеона въ императорскую, оставалось сдѣлать одинъ только шагъ, и онъ былъ сдѣланъ 2 декабря 1852 года сенатомъ, предложившимъ Наполеону принять титулъ императора французовъ подъ именемъ Наполеона III, а народъ черезъ нѣсколько дней всенароднымъ голосованіемъ подтвердилъ возстановленіе имперіи. Франція снова попала подъ иго единоличнаго правленія, только фформально ограниченнаго мнимо-конституціонными учрежденіями.

Вторая Имперія. Либеральная буржуазія, которая энергично боролась съ Луи-Наполеономъ, пока онъ былъ президентомъ, очень скоро примирилась съ возстановленіемъ имперіи. Въ эпоху второй республики Луи-Наполеонъ прокладывалъ себѣ путь къ трону, опираясь главнымъ образомъ на несочувствіе демократическихъ слоевъ народа къ буржуазной республикѣ, оттолкнувшей отъ себя рабочихъ—кровавымъ подавленіемъ іюньскаго возстанія, крестьянъ—увеличеніемъ налоговъ; поэтому, чтобы покончить съ республикой, онъ, естественно долженъ былъ играть роль демагога. Но, прочно сѣвъ на престолѣ, онъ быстро порвалъ всякія связи съ демократіей и сталъ опираться на владѣющіе классы населенія. Около его трона стали собираться все тѣ, интересамъ которыхъ грозила опасность во время февральской революціи,—дворяне-землевладѣльцы, буржуазія и клерикалы. Все они легко отказались отъ притязаній на участіе въ политической жизни въ пользу сильной власти, которая одна, какъ имъ казалось, мог-

ла обезпечить «собственность, порядокъ и религію». «Порядокъ» нуженъ былъ имущимъ классамъ потому, что онъ одинъ могъ дать охрану собственности, религія же нужна была потому, что лишь она могла упрочить «порядокъ» и укрѣпить его высшимъ божественнымъ авторитетомъ.

Изъ всѣхъ владѣющихъ классовъ Наполеонъ III болѣе всего поддерживалъ финансовую и торгово-промышленную буржуазію и къ обезпеченію ея интересовъ онъ направлялъ всѣ свои стремленія.

Внѣшняя политика Наполеона III. Чтобы открыть новые рынки для сбыта произведеній французско-прмьшленности, Наполеонъ предпринялъ рядъ войнъ. Внѣшняя политика вообще была любимымъ дѣломъ Наполеона. Въ его увлеченіи войнами имъ руководило еще и желаніе—удачей во внѣшнихъ дѣлахъ отвлечь вниманіе французскаго общества отъ внутреннихъ вопросовъ. Самымъ лучшимъ средствомъ для примиренія французовъ съ внутренней реакціей Наполеонъ считалъ такія внѣшнія предпріятія, которыя бы носили видъ защиты чужеземной свободы. Въ союзѣ съ Англійей онъ побудилъ Турцію къ войнѣ съ Россіей, такъ какъ Россія была тогда оплотомъ общественной реакціи. Война окончилась затопленіемъ русскаго флота и взятіемъ главной русской крѣпости—Севастополя, послѣ чего на конгрессѣ европейскихъ державъ въ Парижѣ (1856 г.) Россію лишили права держать флотъ на Черномъ морѣ и отняли у нея часть Бессарабіи. Еще болѣе либеральный характеръ носила война Наполеона съ Австріей, предпринятая въ интересахъ объединенія Италіи.

Но выдержать либеральное направленіе во внѣшней политикѣ Наполеонъ былъ не въ состояніи. Упор-

нал защита свѣтской власти папы заставила его стать противъ итальянскаго объединенія. Позднѣе его внѣшняя политика приняла еще болѣе реакціонный характеръ: въ войнѣ между сѣверными свободными и южными рабовладѣльческими штатами С. Америки онъ принялъ сторону послѣднихъ и, чтобы отвлечь Мексику отъ союза съ сѣверянами, задумалъ образовать изъ нея союзную съ Франціей имперію, посадивъ на мексиканскій престолъ австрійскаго эрцгерцога Максимильяна. Но американскіе республиканцы не захотѣли признать новаго императора, и онъ былъ захваченъ республиканскими войсками въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Это вмѣшательство Наполеона въ американскія дѣла было предпринято въ интересахъ французскихъ капиталистовъ, бывшихъ кредиторами мексиканцевъ и страдавшихъ поэтому отъ дурного состоянія мексиканскихъ финансовъ. Неудача этого предпріятія нѣсколько пошатнула престижъ Наполеона въ глазахъ руководящихъ финансовыхъ круговъ Франціи.

Помимо приобрѣтенія новыхъ рынковъ для сбыта французскихъ товаровъ, войны Наполеона были выгодны для буржуазіи и въ другомъ отношеніи. Онѣ вызвали громадныя расходы, для покрытія которыхъ правительство вынуждено было обращаться къ внутреннимъ займамъ. Государственные займы представляли собою очень выгодный способъ помѣщенія капиталовъ и потому имѣли большой успѣхъ среди буржуазіи. Еще болѣе наживалась буржуазія на разныхъ поставкахъ для обмундированія, вооруженія и прокормленія арміи. Вслѣдствіе этого буржуазія въ общемъ одобряла милитаристскую политику Наполеона, находя ее для себя крайне выгодной. Но совсѣмъ иначе относилось къ войнамъ Наполеона крестьянство, на которомъ онѣ

отзывались только непомѣрнымъ ростомъ налоговъ *). Обремененное налогами, оно все болѣе отвращалось отъ воинственной политики императора, служившей интересамъ только правящихъ классовъ.

Внутренняя политика Наполеона III въ 50-хъ годахъ. Такимъ образомъ крупная буржуазія, положеніе которой пошатнулось лишь въ первые мѣсяцы послѣ февральской революціи, снова приобрѣла господствующее положеніе; она подчинила себѣ вторую имперію, подобно тому, какъ раньше заставила служить своимъ интересамъ монархію Луи-Филиппа и вторую республику. Экономическій подъемъ Франціи достигъ въ это время небывалой высоты. Сѣть желѣзныхъ дорогъ съ 1848 г. до 1870 г. почти удесятирилась. Торговля съ 1848 до 1866 возросла въ пять разъ. Добывающая и обрабатывающая промышленность развилась также въ колоссальныхъ размѣрахъ. Подъ вліяніемъ этихъ успѣховъ торговли и промышленности, французское правительство стало отступать отъ прежней меркантильной политики, связанной съ высокими запретительными пошлинами, и переходить къ системѣ свободной торговли. Наполеонъ полагалъ, что французская промышленность уже настолько окрѣпла, что не нуждается въ огражденіи ея отъ иностранной конкуренціи, и началъ понижать или вовсе отмѣнять таможенные пошлины и заключать съ другими странами торговые договоры, облегчавшіе торговые сношенія.

Парижъ принялъ при Наполеонѣ небывало блестящій видъ. Старыя, узкія улицы, удобныя для постройки баррикадъ, были уничтожены, и на мѣстѣ ихъ появи-

*) Одни только косвенные налоги возросли съ 1850 г. до 1865 г. на 50%.

лись новыя широкія, обстроеныя великолѣпными домами. Въ высшемъ столичномъ обществѣ закипѣла веселая, легкомысленная жизнь. Со всѣхъ концовъ Европы въ Парижъ стали стекаться любители разгульной жизни и легкой наживы *). Самъ дворъ подавалъ примѣръ великосвѣтскому обществу своей непрестанной погоней за удовольствіями и беззаботной легкостью нравовъ. Подъ вліяніемъ двора и общественная нравственность упала; поиски наслажденій и стремленіе къ матеріальному обогащенію понизили общій уровень жизни, и типъ буржуазнаго парижанина того времени положительно измельчалъ.

Всякаго оживленія общественной мысли Наполеонъ III страшно боялся. Онъ воскресилъ деспотическую систему Наполеона I и пустилъ въ ходъ всѣ средства административнаго надзора надъ обществомъ—сыскъ, полицейскій надзоръ, шпіонство и провокаторство. Особеннымъ стѣсненіемъ подверглась въ то время печать; администрація получила право закрывать газеты по ничтожнымъ поводамъ; на таможенныхъ чиновники обыскивали путешественниковъ, чтобы не дать имъ провезти печатныя произведенія, направленныя противъ правительства. Независимая печать совершенно исчезла во Франціи, и процвѣтали только органы, получавшіе субсидію отъ правительства, отъ акціонерныхъ обществъ или отъ биржевыхъ заправиль. Независимые общественные дѣятели должны были эмигрировать въ Англію, Бельгію или Швейцарію; находиться въ оппозиціи правительству стало особенно опасно послѣ из-

*) Эти иностранцы представляли рѣзкую противоположность прежнимъ эмигрантамъ, спасавшимся во Францію изъ другихъ странъ отъ политическихъ преслѣдованій и приносившихъ съ собою въ Парижъ глубокіе запросы мысли и высокіе порывы чувства.

данія «закона объ общественной безопасности», дававшего правительству право безъ всякаго суда арестовывать и ссылать всѣхъ тѣхъ, кто раньше подвергался осужденію по политическимъ дѣламъ, а также и тѣхъ, кто впоследствии могъ быть осужденъ.

Несмотря на всѣ эти стѣсненія, въ 1858 г. въ законодательный корпусъ проникло пять республиканскихъ депутатовъ. Впервые на всю страну раздался голосъ свободной критики, и ничтожная кучка депутатовъ приобрѣла вліяніе, которое совсѣмъ не соотвѣтствовало ея количеству.

Либеральныя реформы. Начиная съ 60-хъ годовъ, реакціонное направленіе Наполеона нѣсколько ослабѣло. Причиной этого было то, что критикалы, имѣвшіе громадное глѣніе на крестьянское населеніе Франціи и энергично поддерживавшіе въ 50-хъ годахъ Наполеона, отступились отъ него послѣ его похода въ Италію въ 1859 году—похода, вызвавшаго неприязнь между французскимъ императоромъ и римскимъ папою. Поэтому Наполеонъ III сталъ искать опоры въ другихъ, болѣе прогрессивныхъ общественныхъ кругахъ и сдѣлалъ нѣсколько либеральныхъ уступокъ. Палаты получили право вотировать адресъ въ отвѣтъ на императорскую рѣчь, опубликовывать топографическіе отчеты о своихъ засѣданіяхъ, контролировать бюджетъ, дѣлать запросы правительству. Вскорѣ послѣ этого была дана относительная свобода печати (явочный порядокъ для газетъ) и разрѣшены сходки въ присутствіи полицейскаго чиновника. Наконецъ, всѣ эти реформы завершились въ самомъ концѣ второй имперіи (1869—1870) отставкой прежняго консервативнаго министра Рауэра и измѣненіемъ конституціи въ либеральномъ духѣ: Законодательный Корпусъ получилъ

право законодательной инициативы и право выбирать свой президіумъ, министры дѣлались отвѣтственными передъ палатами. Въ новое министерство (Оливье) были назначены либеральные бонапартисты. Всѣ эти нововведенія были подвергнуты императоромъ всенародному голосованію, и народъ одобрилъ ихъ большинствомъ семи милліоновъ трехсотъ пятидесяти тысячъ голосовъ противъ полутора милліоновъ.

Вмѣстѣ съ этими либеральными реформами Наполеонъ провелъ нѣсколько мѣръ въ пользу рабочихъ. Заигрыванія съ рабочими были не чужды Наполеону и раньше: еще когда онъ былъ президентомъ, онъ учредилъ кассу для выдачи пенсій престарѣлымъ рабочимъ. Въ 60-хъ годахъ, боясь потерять поддержку крестьянства, вслѣдствіе своего разрыва съ духовенствомъ, Наполеонъ III еще болѣе желалъ расположить въ свою пользу рабочихъ; закономъ 1864 года онъ разрѣшилъ имъ соединяться въ коалиціи для того, чтобы собственными усиліями добиваться улучшенія какъ заработной платы, такъ и условій работы, и подъ конецъ своего царствованія высказался въ пользу введенія всеобщаго обязательнаго страхованія рабочихъ. Но склонить рабочихъ на свою сторону Наполеону не удалось; они продолжали относиться недовѣрчиво къ императору и примкнули къ «непримиримымъ» радикаламъ. Это была республиканская партія, образовавшаяся во время выборовъ 1860 года и требовавшая измѣненія французской конституціи по образцу конституціи Сѣверной Америки. Въ программѣ этой партіи былъ неопредѣленный намекъ на необходимость произвести «экономическія реформы, связанныя съ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса, исходъ котораго зависитъ всецѣло отъ политическаго переустройства». Во главѣ «непримиримыхъ» стоялъ краснорѣчивый адвокатъ Гамбетта.

Паденіе Имперіи и начало республики. Въ числѣ причинъ, заставившихъ Наполеона III ослабить деспотическій режимъ во Франціи, значительную роль сыграли и неудачи его внѣшней политики второй половины 60-хъ годовъ. Еще въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ Франціи принадлежало преобладающее значеніе среди всѣхъ державъ Европы. Ни Россія, ослабленная крымской войной, ни Австрія, приведенная въ разстройство событіями 1848—1849 гг. и послѣдующей реакціей, ни Пруссія и Сардинія, не укрѣпившія тогда еще своего положенія—первая въ Германіи, а вторая въ Италіи—не могли еще быть конкурентами Франціи. Но какъ только Пруссія и Сардинія собрались съ силами и повели самостоятельную внѣшнюю политику, такъ наступилъ конецъ для гегемоніи Франціи въ Европѣ. Объединеніе Италіи и Германіи пошло самостоятельнымъ путемъ, а не по плану, начертанному Наполеономъ, и это было началомъ конца для высокаго положенія Франціи въ Европѣ. Для нея оказалось роковымъ возвышеніе Пруссіи, которому раньше самъ Наполеонъ косвеннымъ образомъ содѣйствовалъ. Онъ ничего не имѣлъ противъ объединенія Германіи, но когда Пруссія въ своей объединительной политикѣ перестала сообразоваться съ расчетами французскаго императора, онъ сталъ опасаться ея возвышенія и по ничтожному поводу объявилъ ей войну (въ іюнѣ 1870 г.), не узнавъ хорошо силу противника, не запасшись союзниками и не подготовившись къ борьбѣ. Французская армія оказалась въ дѣйствительности далеко ниже своего предполагаемаго состава; особенно плохо было высшее начальство, которое не сумѣло подготовить хорошихъ картъ и хорошо поставить провіантскую и развѣдочную часть. Прусскій же военный министръ Мольтке уже

задолго до войны выработалъ планъ кампаніи и прекрасно обучилъ свою прусскую армію. Слѣдствіемъ этого былъ рядъ поражений, которыя стали терпѣть одно за другимъ французы. Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ начала войны одна французская армія (въ 175 тысячъ) съ маршаломъ Базеномъ во главѣ оказалась запертой въ крѣпости Мець, а другая (въ 80 т.) подѣ начальствомъ Макъ-Магона принуждена была при Седанѣ сдаться на капитуляцію, и самъ императоръ оказался въ плѣну.

Какъ только извѣстіе объ этомъ дошло до Парижа, тамъ немедленно была провозглашена республика: Наполеонъ былъ объявленъ низложеннымъ съ престола. Въ Парижѣ было учреждено правительство національной обороны, открывшее свои засѣданія, по традиціи всѣхъ республиканскихъ правительствъ, въ городской ратушѣ. Новое правительство составилось главнымъ образомъ изъ членовъ парламентской лѣвой и не допустило въ свою среду социалистовъ. Оно раскололось на двѣ части: одна осталась въ Парижѣ, осажденномъ съ середины сентября нѣмцами, а другая, состоявшая изъ трехъ членовъ, управляла всей остальной Франціей и имѣла свою резиденцію въ Бордо; скоро къ Бордоскому правительству присоединился и Гамбетта, улетѣвшій изъ Парижа на воздушномъ шарѣ. Правительство національной обороны рѣшило энергично продолжать войну, но у него не было арміи, потому что бонапартистъ Базенъ, не желая служить республикѣ, уже 27 октября сдался съ своей арміей на капитуляцію прусскому королю. Поэтому пришлось создавать новую армію: въ Парижѣ была образована національная гвардія изъ 300,000 здоровыхъ парижанъ (она состояла по большей части изъ рабочихъ и этимъ отли-

чалась отъ національной гвардіи прежнихъ временъ). Въ провинціи Гамбетта, пользовавшійся почти неограниченною властью, предписаль произвести наборъ рекрутовъ и двинуть на выручку Парижа нѣсколько новыхъ армій. Но эта лихорадочная дѣятельность республиканскаго правительства могла только на время задержать окончательное торжество прусскаго оружія; вновь сформированныя арміи не могли бороться съ гораздо болѣе сильнымъ непріателемъ, и Парижъ, доведенный голодомъ до отчаянія, сдался.

Пруссія поставила побѣжденному врагу крайне тяжелыя условія: Франція должна была отдать Эльзасъ и половину Лотарингіи и уплатить пять миллиардовъ франковъ военной контрибуціи (1871 г.).

Между тѣмъ въ началѣ 1871 года въ Бордо собралось Національное Собраніе, избранное на основѣ всеобщаго избирательнаго права. На выборахъ боролись главнымъ образомъ, три группы, на которыя раскололось населеніе Франціи: во-первыхъ, революціонеры-соціалисты, противники буржуазнаго правительства національной обороны; во-вторыхъ,—республиканцы, сторонники Гамбетты, настаивавшаго на продолженіи войны до послѣдней крайности, и, въ третьихъ, монархисты (легитимисты, орлеанисты и бонапартисты). Выборы происходили еще до заключенія мира съ Пруссіей, и у крестьянъ, подъ вліяніемъ рѣчей Гамбетты, сложилось представленіе, что избраніе республиканцевъ означало бы продолженіе войны; поэтому они въ большинствѣ случаевъ голосовали за монархистовъ, въ побѣдѣ которыхъ они видѣли торжество мира. Также за монархистовъ голосовали землевладѣльцы и крупная буржуазія. Только мѣстности, непосредственно занятыя непріателемъ, послали въ Собраніе республиканцевъ. Что же

касается социалистовъ, то они прошли почти исключительно въ одномъ Парижѣ, рабочее населеніе котораго только временно затаило въ себѣ недовольство противъ имущихъ классовъ, одержавшихъ надъ ними побѣду въ іюнѣ 1848 года. Теперь рабочіе (къ которымъ присоединилась и мелкая буржуазія Парижа), раздраженные режимомъ произвола и духомъ наживы, царившими при Наполеонѣ III, и возбужденные долгой защитой Парижа, снова готовы были поднять возстаніе и послали въ Національное Собраніе социалистическихъ депутатовъ.

Вслѣдствіе численнаго преобладанія во Франціи крестьянства—которое боялось республики такъ же, какъ и землевладѣльцы и торгово-промышленная аристократія—большинство Національнаго Собранія оказалось монархически настроеннымъ; республиканцы прозвали его «мужицкимъ собраніемъ». Оно отказалось провозгласить республику во Франціи и ограничилось избраніемъ Тьера въ качествѣ «главы исполнительной власти». Тьеръ составилъ свое министерство изъ умѣренныхъ республиканцевъ и заявилъ, что широкихъ социальныхъ реформъ его правительство проводить не будетъ. Съ другой стороны, само Національное Собраніе, переселившееся въ мартѣ 1871 г. въ Версаль, съ первыхъ же недѣль своей дѣятельности вступило на путь реакціи. Оно не желало считаться съ революционнымъ настроеніемъ парижскихъ рабочихъ, еще не сложившихъ оружія и продолжавшихъ состоять въ національной гвардіи, и провело двѣ мѣры, страшно раздражавшія демократію: во-первыхъ, отказалось продолжить отсрочку приостановленныхъ во время осады взысканій по квартирнымъ договорамъ и по вексямъ, и, во-вторыхъ, отмѣнило жалованіе національнымъ

гвардейцамъ (полтора франка въ день), которое было единственнымъ средствомъ существованія для многихъ рабочихъ, потерявшихъ свои заработки во время осады. Первая мѣра должна была вызвать неудовольствіе мелкой буржуазіи, вторая—пролетаріата. Оба эти класса боялись, кромѣ того, уничтоженія республики «мужицкимъ собраніемъ». Тогда національная гвардія, представлявшая интересы парижской демократіи, избрала изъ своей среды для защиты республики «центральный комитетъ». Подъ его руководствомъ въ мартѣ 1871 г. произошло возстаніе Парижа противъ версальскаго правительства. Національная гвардія отбила посланныя версальскимъ правительствомъ войска, подняла красное знамя и разстрѣляло двухъ взятыхъ въ плѣнъ генераловъ. «Центральный комитетъ» утвердился въ городской ратушѣ. Такъ началось возстаніе.

Парижская коммуна. Въ Парижѣ была объявлена коммуна, т.-е. онъ былъ признанъ автономной городской общиной, самостоятельной въ рѣшеніи всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ. Былъ выбранъ генеральный совѣтъ коммуны, который вмѣстѣ съ «центральнымъ комитетомъ» національной гвардіи взялъ на себя руководство всѣми дѣлами Парижа. Коммунальное правительство объявило лишенными законной силы всѣ постановленія версальскаго правительства, но у него самого не было разработанной программы дѣйствій. Большинство въ немъ составляли или демократы съ неопредѣленными социалистическими стремленіями, или же сторонники «вѣчнаго инсургента» Бланки, который проповѣдывалъ теорію насильственнаго захвата власти безъ опредѣленной цѣли. Такое меньшинство, примыкавшее къ «Интернаціоналу»¹⁾, имѣло болѣе или менѣе раз-

¹⁾ Интернаціональ, иначе Международное Общество Рабочихъ,

работанные проекты социальной реформы. Тем не менее правительство Коммуны всецело было проникнуто революционным учением об антагонизме между буржуазией и пролетариатом и в короткое время сумело завоевать доверие всего рабочего класса Франции, который с затаенным дыханием следили за новой вспышкой борьбы между имущими и неимущими, разыгравшейся около стѣнъ Парижа.

Коммуна успѣла принять лишь нѣсколько мелкихъ социалистическихъ мѣръ и издать прокламацію, въ которой излагалась теорія превращенія Франции въ федерацію коммунъ, каждая изъ которыхъ должна пользоваться абсолютной автономіей. Приняться за коренную ломку общественнаго строя она не могла, потому что ей уже скоро пришлось сосредоточить все свое вниманіе на борьбѣ съ версальскимъ правительствомъ. Кругомъ Тьера и Національнаго Собранія собрались все состоятельныя классы Франции: крестьяне, отданные подъ опеку священниковъ, также возстали противъ Парижа. Тьеръ повелъ настоящую войну противъ Коммуны, осадилъ Парижъ съ большою арміею и въ маѣ 1871 г. взялъ его. Майское усмиреніе Парижа является однимъ изъ самыхъ кровавыхъ событій въ исторіи. Нѣсколько тысячъ взятыхъ въ плѣнъ коммунаровъ было разстрѣляно безъ суда; множество лицъ, виновныхъ лишь въ радикализмъ своихъ политическихъ убѣжденій, было сослано въ каторгу. Всеѣхъ пострадавшихъ насчитывалось около 107 тысячъ.

Буржуазная реакція. Снова, какъ и послѣ 1848 г., началась буржуазная реакція. Консервативныя партіи «порядка», составлявшія большинство въ На-
быль основанъ въ 1864 году политическими изгнанниками въ Лондонѣ. Уставъ его былъ написанъ Марксомъ.

ціональномъ Собраніи, стали требовать самахъ суровыхъ мѣръ противъ социалистовъ. Національная гвардія была уничтожена. Тьеръ, получившій титулъ президента республики, заявилъ, что «республика будетъ консервативной, или ея вовсе не будетъ». Монархическое большинство Національнаго Собранія, выбранное подъ страхомъ продолженія войны съ Пруссіей и теперь уже не пользовавшееся сочувствіемъ страны, стало грозить самому существованію республики; ее спасло только то, что сами монархисты раздѣлились на враждебныя партіи: легитимистовъ (сторонниковъ Бурбоновъ), орлеанистовъ и бонапартистовъ. Въ 1873 г. дѣло дошло до того, что монархисты выразили недовѣріе даже Тьеру, находя его политику недостаточно консервативной, и онъ подалъ въ отставку. На его мѣсто былъ избранъ президентомъ орлеанистъ, маршалъ Макъ-Магонъ, который поставилъ своею цѣлью одготовить монархическую реставрацію во Франціи. Назначенное имъ министерство «нравственнаго порядка» стало смѣщать республиканцевъ со всѣхъ административныхъ должностей и назначать на ихъ мѣста монархистовъ. Чтобы не мѣшать республиканской агитаціи, правительство подвергло печать строгому надзору, запретило продажу газетъ на улицахъ, и на частныхъ выборахъ возстановило официальныя кандидатуры монархическихъ кандидатовъ. Слово «республика» было изгнано изъ всѣхъ официальныхъ актовъ. Католическое духовенство получило полную свободу дѣйствій и забрало въ свои руки большинство начальныхъ и много среднихъ школь. Оно добралось даже и до высшихъ школь, добившись (въ 1875 г.) разрѣшенія основывать «свободныя» университеты.

Собраніе, наконецъ, пало и кандидата на тронъ

Орлеанисты и легитимисты воцпились на графѣ Шамборѣ, внука Карла X (Генрихѣ V), съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти королемъ сталъ кандидатъ орлеанистовъ—графъ Парижскій; но Генрихъ V самъ оттолкнулъ отъ себя большинство Національнаго Собранія, объявивъ, что онъ отвергаетъ трехцвѣтное знамя, какъ символъ революціи, и принимаетъ только бѣлое. Тогда Національное Собраніе отказалось отъ реставраціи и продолжило полномочія президента республики.

Между тѣмъ на частичныхъ выборахъ продолжали побѣждать республиканцы; наконецъ, въ 1875 году республиканцы вмѣстѣ съ присоединившимися получили большинство въ одинъ голосъ, и была выработана республиканская конституція, удержавшаяся и до настоящаго времени.

Конституція 1875 года и укрѣпленіе республики. Во главѣ исполнительной власти былъ поставленъ президентъ республики, надѣленный всѣми правами конституціоннаго короля, даже правомъ помилованія и правомъ роспуска палаты (но только съ согласія сената). Президентъ республики назначаетъ солидарное и отвѣтственное передъ палатами министерство; по парламентскимъ обычаямъ Франціи, министры выходятъ въ отставку только по прошенію, но они подаютъ такое прошеніе лишь разъ, когда оказываются въ меньшинствѣ. Въ этомъ отношеніи французскіе министры всегда обнаруживали полное уваженіе къ палатѣ.

Законодательная власть была вручена палатѣ депутатовъ, избираемой посредствомъ всеобщей подачи голосовъ каждые 4 года, и сенату, четверть членовъ котораго назначается самимъ сенатомъ, а остальные три четверти избираются особыми «сенагорскими

коллегіями» каждаго департамента, состоящаго главнымъ образомъ изъ делегатовъ муниципальных совѣтовъ каждой общины. Палаты имѣютъ право засѣдать 5 мѣсяцевъ въ году; во время парламентскихъ вакацій президентъ одинъ является представителемъ высшей власти. Соединенное собраніе обѣихъ палатъ составляетъ конгрессъ, который избираетъ президента республики и производитъ измѣненія въ конституціи; только одному конгрессу принадлежитъ верховная власть.

Несмотря на большія полномочія президента республики, во Франціи въ послѣдней четверти XIX столѣтія на практикѣ установился такой же парламентарный и демократическій строй, какъ и въ Англіи послѣ избирательной реформы 1884 года. Избранная на основѣ всеобщаго избирательнаго права палата депутатовъ получила преобладаніе надъ всеми другими властями. Сенатъ мало пользовался своимъ правомъ законодательной инициативы и ограничивался въ большинствѣ случаевъ лишь правомъ наложенія veto на законопроекты, принятые палатой депутатовъ. Президенты довольствовались обыкновенно лишь представительствомъ правительства въ торжественныхъ случаяхъ и порученіемъ вождямъ партій составлять новое министерство въ случаѣ пораженія прежняго въ палатѣ депутатовъ. Только мѣстное самоуправленіе осталось слабо развитымъ, и въ провинціи чиновники имѣли по-прежнему большое значеніе.

Президентъ Макъ-Магонъ, какъ избранникъ монархическихъ партій, не захотѣлъ примириться съ республикой. Въ 1877 году онъ уволилъ республиканское министерство Ж. Симона, призвалъ къ власти консерваторовъ, и распустилъ палату. Новое министерство дѣя-

тельно вмѣшалось въ выборы новыхъ депутатовъ: повсюду были выставлены официальные кандидатуры, республиканская пропаганда была крайне стѣснена, политическимъ собраніямъ ставились всевозможныя помѣхи. Духовенство энергично поддерживало правительственныхъ кандидатовъ. Несмотря на все это, республиканцы одержали рѣшительную побѣду на выборахъ. Макъ-Магонъ принужденъ былъ подчиниться; онъ образовалъ новое министерство, а черезъ годъ и самъ подалъ въ отставку (1879 г.).

Франція въ концѣ XIX вѣка. Со времени отставки Макъ-Магона республиканскій строй окончательно упрочился во Франціи. Въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія былъ проведенъ рядъ либеральныхъ реформъ, установившихъ во Франціи политическую свободу и положившихъ конецъ господству клерикаловъ. Прежде всего была дана полная свобода печати (проступки по дѣламъ печати подчинялись исключительно суду присяжныхъ); образованіе стало постепенно вырываться изъ рукъ духовенства, іезуитскія школы и іезуитскія конгрегаціи (общества) закрывались (1880 г.). На мѣсто прежняго клерикальнаго воспитанія рядомъ законовъ было установлено обязательное даровое и свѣтское образованіе (законъ 1881—82 гг.). Главная заслуга въ проведеніи этихъ реформъ принадлежитъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Жюлю Ферри.

Зато къ разрѣшенію соціального вопроса либеральныя министерства 80-хъ годовъ отнеслись отрицательно. Недавній вождь радикаловъ, Гамбетта, ставъ у власти въ 1881 году, заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ широкихъ соціальныхъ реформъ и сталъ убѣждать рабочихъ отказаться отъ соціалистическихъ требованій и мирно работать, довольствуясь частичными

улучшеніями своего быта. Сторонники Гамбетты за ихъ «приспособляющуюся» политику получили названіе оппортунистовъ. Оппортунисты отказались отъ большинства прежнихъ требованій радикальной партіи: отъ подоходнаго налога, выкупа желѣзныхъ дорогъ, введенія выборныхъ судей и т. п. Въ угоду буржуазіи они сосредоточили свое вниманіе на колониальной политикѣ, съ цѣлью открыть новые рынки для французской торговли, но и здѣсь не добились никакихъ крупныхъ успѣховъ. Имъ удалось только присоединить къ сѣверо-африканскимъ колоніямъ Франціи богатый Тунисъ. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго суженія своихъ прежнихъ требованій, оппортунисты вызвали противъ себя крайнее неудовольствіе среди многихъ членовъ бывшей радикальной партіи, и отъ нихъ отдѣлилась крайняя лѣвая, принявшая прежнее названіе радикальной партіи. Радикалы (во главѣ ихъ въ 80-хъ годахъ сталъ Клемансо) выставили сначала очень широкую программу: уничтоженіе сената и должности президента республики, отдѣленіе церкви отъ государства, введеніе коммунальной автономіи, замѣну постоянной арміи народнымъ ополченіемъ, ограниченіе рабочаго дня, организацію дешеваго кредита для трудящихся, страхование рабочихъ и т. п. Къ колониальнымъ завоеваніямъ радикалы относились отрицательно.

Въ концѣ 80-хъ годовъ монархисты снова сплотились около популярнаго имени генерала Буланже, который былъ противникомъ парламентской республики и, повидимому, замышлялъ установить личную диктатуру. Монархисты видѣли въ Буланже очень удобное средство для того, чтобы «пробить брешь» въ республикѣ. Но противъ популярнаго генерала соединились и оппортунисты, и радикалы, и социалисты,—и онъ, предвидя

неизбѣжный неуспѣхъ своихъ плановъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Большой козырь въ руки монархистовъ дало и знаменитое панамское дѣло. Въ началѣ 80-хъ годовъ, по настояніямъ очень извѣстнаго инженера Лессепса, во Франціи образовалось акціонерное общество, поставившее своею цѣлью соединить Атлантическій и Великій океаны прорытіемъ канала черезъ Панамскій перешеекъ. Каналъ начали строить, и очень много французовъ вложили свои сбереженія въ панамскія акціи. Но къ концу 80-хъ годовъ выяснилось, что собранныхъ денегъ на постройку не хватаетъ; работу пришлось бросить, и все дѣло потерпѣло крахъ. Держатели бумагъ понесли огромный убытокъ, — въ совокупности до полутора миллиардовъ рублей. Чтобы выяснить это дѣло, палата въ 1892 году назначила слѣдствіе, которое обнаружило, что многіе изъ депутатовъ, сенаторовъ и бывшихъ министровъ были въ сношеніяхъ съ дѣльцами «панамы» и брали отъ нихъ взятки; выяснилась и продажность многихъ республиканскихъ газетъ, которыхъ подкупали дѣятели «панамы» съ цѣлью побудить ихъ представить покупку панамскихъ акцій очень выгоднымъ для публики дѣломъ, когда уже выяснилась полная безнадежность всего предпріятія. Дѣло бросило тѣнь на многихъ вождей республиканскихъ партій, между прочимъ и на нѣкоторыхъ радикаловъ. Консерваторы, монархисты и буланжисты воспользовались этимъ довольно грязнымъ дѣломъ, чтобы обвинить во всемъ республику и парламентарные порядки. Съ большимъ трудомъ честнымъ республиканцамъ удалось представить дѣло въ его настоящемъ видѣ и показать, что республика и парламентаризмъ въ немъ были совершенно не при чемъ.

Панамскія разоблаченія дали толчекъ и не менѣе знаменитому дѣлу Дрейфуса, возникшему въ срединѣ 90-хъ годовъ. Дѣло въ томъ, что слѣдствіе по панамскому дѣлу вскрыло неблаговидную роль нѣкоторыхъ банкировъ и политическихъ дѣльцовъ изъ евреевъ. Антисемитическія (противоеврейскія) газеты стали кричать по этому поводу, что все зло происходитъ вообще отъ евреевъ и что они виновники всѣхъ общественныхъ бѣдствій. На бѣду для евреевъ въ это время на одного офицера Дрейфуса, еврея по происхожденію, пало подозрѣніе въ выдачѣ Германіи секретныхъ военныхъ документовъ. Почти безъ всякихъ уликъ Дрейфусъ былъ обвиненъ и сосланъ на Чертовъ островъ. Но за него вступилось почти все прогрессивное общество: ученые, литераторы и безупречные республиканцы. Наоборотъ, на сторону враговъ Дрейфуса стали всѣ нездоровые общественные слои, которые отчасти участвовали въ предпріятіи Буланже и въ панамскомъ скандалѣ: скрытые монархисты, клерикалы, шовинисты и прямо продажные люди. Въ концѣ концовъ, прогрессивнымъ дѣятелямъ Франціи удалось добиться пересмотра дѣла Дрейфуса (1899 г.), и хотя онъ и былъ осужденъ вторично, но президентъ республики его помиловалъ, признавъ вмѣстѣ со всѣмъ прогрессивнымъ обществомъ Франціи, что для осужденія его не было данныхъ. Противъ Дрейфуса соединились всѣ враги республики и культуры, и ихъ пораженіе много содѣйствовало какъ оздоровленію общественныхъ нравовъ Франціи, такъ и окончательному укрѣпленію республики.

Въ срединѣ 90-хъ годовъ радикальной партіи удалось оправиться отъ того удара, который ей нанесло панамское дѣло; она стала оказывать большое вліяніе на политику, и ей даже удалось поставить у вла-

сти радикальное министерство Буржуа. Но съ тѣхъ поръ, какъ радикалы стали у власти, ихъ программа значительно потускнѣла, и въ 90-хъ годахъ имъ не разъ приходилось вступать въ борьбу съ демократическими слоями французскаго общества.

Въ 90-хъ годахъ и социалистическая партія, разбитая неудачами 1848 и 1871 гг. и въ первые годы третьей республики не игравшая почти никакой роли, стала собирать свои силы. Рабочее движеніе возродилось во Франціи еще въ 1876 г., когда вернулся въ Парижъ популярный публицистъ Жюль Гедъ, бѣжавшій послѣ разгрома Коммуны въ Италію; онъ основалъ въ Парижѣ газету «Эгалитэ», въ которой пропагандировалъ идеи марксизма. Въ 1879 г. была сдѣлана попытка объединить всѣхъ рабочихъ въ «коллективистической рабочей партіи», но эта партія скоро распалась на нѣсколько фракцій, вступившихъ между собой въ борьбу. Этотъ расколъ произошелъ уже на третьемъ партійномъ съѣздѣ 1882 г., когда отъ рабочей партіи, продолжавшей подъ руководствомъ Геда исповѣдывать непримиримые взгляды марксизма на классовую борьбу и отказывавшейся вступать въ соглашеніе съ буржуазными партіями, откололись сторонники Брусса (т. н. поссибилисты), которые признали необходимость извѣстной постепенности въ достиженіи коллективистическаго идеала и допустили возможность соглашенія съ радикалами. Еще позднѣе, въ 1890 г., отъ бруссистовъ отдѣлилось меньшинство, аллеманисты (по имени своего руководителя Аллемана), которые отрицали вообще необходимость политической дѣятельности и главнымъ орудіемъ борьбы считали всеобщую стачку. Наряду съ этими социалистическими партіями продолжали еще существовать и бланкисты, стремившіеся, по примѣру своего учителя

«вѣчнаго инсургента» Бланки, къ измѣненію строя путемъ революціоннаго захвата власти. Въ 90-хъ годахъ ихъ руководителемъ былъ Вальянь. Къ серединѣ 90-хъ годовъ социалистическія партіи уже приобрѣли довольно большое значеніе въ странѣ и завоевали около 50 мѣстъ въ палатѣ депутатовъ. Своимъ вліяніемъ и краснорѣчіемъ въ Палатѣ стали особенно выдѣляться бывшій профессоръ философіи въ Тулузѣ Жанъ Жоресъ.

Въ то же время во Франціи стало развиваться и профессиональное рабочее движеніе. Толчекъ къ развитію этого движенія далъ законъ 1889 г., отмѣнившій старое, установленное еще въ 1791 г. запрещеніе для рабочихъ вступать въ ассоціаціи. Воспользовавшись этимъ, французскіе рабочіе стали соединяться въ профессиональные союзы (они назывались во Франціи синдикатами), при чемъ часто отдѣльные союзы соединялись вмѣстѣ въ болѣе широкія организаціи, охватывавшія цѣлый рядъ синдикатовъ. Наряду съ синдикатами во Франціи съ половины 80-хъ годовъ стали возникать «биржи труда», ставившія своею задачею главнымъ образомъ посредничество между нанимателями и рабочими съ цѣлью улучшенія условій найма. Синдикаты и биржи позднѣе объединились въ «Генеральной Конфедераціи Труда», основанной въ 1894 г. и постепенно втягивавшей въ себя всѣ профессиональныя организаціи Франціи. Благодаря этой организаціи рабочихъ французскій пролетаріатъ представляетъ собой въ настоящее время очень крупную социальную силу. Французское синдикальное движеніе съ теченіемъ времени принимаетъ все болѣе радикальный характеръ; сначала оно ставило своею цѣлью лишь улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ, а въ послѣднее время оно склоняется къ признанію необходимости самой ши-

рокой общественной реформы и замѣны капиталистическаго строя коммунистическимъ; значительная часть синдикалистовъ провозглашаетъ неизбежность социальной революціи.

Франція въ XX вѣкѣ. Въ концѣ XIX вѣка республикѣ еще приходилось защищаться отъ нападеній. Буланжизмъ, «Панама» и дѣло Дрейфуса доставили всѣмъ реакціоннымъ элементамъ много поводовъ для того, чтобы сплотиться вмѣстѣ и произвести отчаянный натискъ на республику, но этотъ натискъ былъ послѣднимъ. Въ XX вѣкѣ республика укрѣпилась уже настолько, что скрытыя нападенія на нее прекратились; противники республики еще существовали, но ихъ выходки не шли дальше громкихъ скандаловъ, устраиваемыхъ отдѣльными лицами (напр., антисемитомъ Деруледомъ); имъ не удавалось сплотить вокругъ себя сколько-нибудь значительныя общественныя группы.

Въ XX вѣкѣ борьба между различными классами общества и парламентскими партіями продолжалась и часто отличалась очень большой остротой, но она шла уже не вокругъ вопроса—быть или не быть республикѣ, а вокругъ 1) вопроса о социально-экономическихъ реформахъ и 2) вопроса о вліяніи клерикаловъ на духовную жизнь страны. Въ это время вполне ясно намѣтилось раздѣленіе французскаго общества и парламента на двѣ стороны; на одной стояли такъ называемыя партіи «соціальной охраны» (въ парламентѣ они состояли изъ консерваторовъ и умѣренныхъ, въ обществѣ ихъ опору составляли верхніе и отчасти средніе слои буржуазіи, духовенство, высшіе чиновники), желавшіе сохранить по возможности неизмѣнными старые общественные порядки и противившіеся всякимъ общественно-экономическимъ реформамъ; на другой сторонѣ нахо-

дились партій, считавшія необходимымъ произвести нѣкоторыя соціально-экономическія преобразованія (въ парламентѣ ихъ составили радикалы, радикалы-соціалисты и соціалисты; внѣ парламента они опирались на мелкую буржуазію и мелкое чиновничество, крестьянъ и рабочихъ). Съ самаго начала XX вѣка выявился довольно рѣшительный перевѣсъ партій соціальныхъ преобразованій надъ партіями соціальной охраны. Несмотря на это, крупныхъ реформъ соціально-экономическаго характера во Франціи за первые полтора десятилѣтія XX вѣка было произведено немного, ибо радикалы далеко не всегда оказывались искренними сторонниками соціальныхъ преобразованій и довольно часто выступали противъ соціалистовъ (напр., Клемансо и Брианъ).

Первый премьеръ-министръ, съ которымъ Франція вступила въ XX вѣкъ, Вальдекъ-Руссо (1899-1902 гг.), хотя самъ и принадлежалъ къ умѣреннымъ республиканцамъ, тѣмъ не менѣе не задумался включить въ свое министерство соціалиста Мильерана, въ качествѣ министра торговли. Мильеранъ провелъ нѣсколько довольно важныхъ для рабочихъ законовъ; этими законами высшая продолжительность рабочаго дня для рабочихъ всѣхъ категорій была установлена въ 11 часовъ (съ обязательнымъ сокращеніемъ черезъ шесть лѣтъ до 10 часовъ), а для рабочихъ въ правительственныхъ предпріятіяхъ Мильеранъ стремился ограничить время работы восемью часами въ день; выборные отъ рабочихъ были допущены въ примирительныя камеры, разбиравшія совмѣстно съ предпринимателями столкновенія между рабочими и фабрикантами.

Въ слѣдующее министерство Комба (1902—1905 гг.) тоже были приняты нѣкоторыя мѣры въ пользу рабочихъ. Такъ, рѣшено было закрыть частныя платныя

конторы, бравшія на себя посредничество по найму на работу, и замѣнить ихъ бесплатными при помощи городскихъ управленій и профессиональныхъ союзовъ (частныя конторы должны были быть закрыты въ теченіе пяти лѣтъ). Затѣмъ Комбъ выработалъ законопроектъ о помощи старикамъ, инвалидамъ и неизлѣчимо-больнымъ, который сталъ закономъ при его преемникѣ.

По отношенію къ забастовочному движенію рабочихъ Комбъ держался очень примирительно и посылалъ войска въ тѣ мѣста, гдѣ возникала забастовка, только въ крайнихъ случаяхъ; рабочіе также стали обнаруживать къ Комбу довольно большое довѣріе, и бывали случаи, что они передавали свои столкновения съ предпринимателями на его разрѣшеніе.

Въ то же время были приняты мѣры противъ ненадежныхъ генераловъ и противъ духовенства, въ душѣ сочувствовавшаго реакціи и даже монархіи. Вальдекъ-Руссо обратилъ вниманіе на то, что среди вышлага команднаго состава арміи было много буланжистовъ, антисемитовъ, клерикаловъ и реакціонеровъ.

Смѣщеніями и перемѣщеніями многихъ генераловъ онъ очистилъ армію отъ ненадежныхъ элементовъ и затѣмъ принялся за борьбу съ духовенствомъ и иезуитами, которые подъ защитой свободы обученія вели воспитаніе юношества въ монархическомъ и реакціонномъ духѣ. Онъ провелъ законъ, которымъ для образованія религіозныхъ обществъ (конгрегацій) требовалось разрѣшеніе правительства*), а для уже разрѣшенныхъ устанавливался строгій контроль (законъ 1 іюля 1901 г.).

Преемникъ Вальдека-Руссо Комбъ повелъ съ духовенствомъ еще болѣе рѣшительную борьбу. Все его

*) Всѣ остальные общества могли возникать явочнымъ порядкомъ

трехлѣтнее пребываніе у власти прошло въ настоящей войнѣ съ іезуитами и клерикалами. Онъ началъ съ того, что сталъ закрывать школы при религіозныхъ обществахъ, гдѣ преподавателями были монахи и іезуиты; духовенство сопротивлялось отчаянно, и дѣло доходило до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монахи ложились поперекъ дверей при входѣ въ школы и не хотѣли туда пускать полицію. Но Комбъ дѣйствовалъ безпощадно, и всякое сопротивленіе духовенства имъ строго подавлялось. Дѣйствуя все рѣшительнѣе, онъ подъ конецъ своего министерства сталъ склоняться къ мысли о необходимости провести отдѣленіе церкви отъ государства, но эта реформа первостепенной важности была проведена уже его преемниковъ, министромъ-президентомъ Рувье (законъ 9 декабря 1905 г.). Этимъ закономъ государство объявило, что оно «не признаетъ, не оплачиваетъ и не поддерживаетъ никакого культа» и отказывается оплачивать «всякіе расходы, вытекающіе изъ отправления культа», т. е. расходы на содержаніе церквей, монастырей, священниковъ и т. п. Для содержанія духовенства и церквей могли учреждаться особыя религіозныя общества, приравненныя къ прочимъ частнымъ обществамъ. Законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства вызвалъ очень рѣзкую оппозицію со стороны почти всего католическаго духовенства и самого папы, но въ концѣ концовъ враги закона должны были, конечно, смириться. Въ министерство Рувье была проведена и еще одна очень важная мѣра, подготовленная и даже проведенная черезъ палату депутатовъ еще Комбомъ: именно, трехгодичная воинская повинность была сокращена до двухъ лѣтъ.

Послѣ 1906 года во Франціи наступилъ какъ бы нѣкоторый поворотъ въправо. Оздоровляющее дѣйствіе

той нравственной встряски, которое французское общество пережило во время процесса Дрейфуса, къ этому времени уже значительно ослабѣло.

Непосредственныхъ толчковъ къ крупнымъ реформамъ теперь уже не было, и потому въ послѣдующіе годы до самой Великой войны ничего значительнаго во внутренней исторіи Франціи не произошло. По отношенію къ рабочему (особенно забастовочному) движенію правительство снова вернулось къ политикѣ «твердой руки» и предпочитало подавлять забастовки силой, а не переговорами съ рабочими. Въ этомъ отношеніи надо особенно отмѣтить министерства Клемансо (1906—1909) и Бриана (1909—1911). Клемансо имѣлъ репутацію рѣшителя и радикала, и его министерство состояло изъ однихъ радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ; во главѣ только что образованнаго министерства труда былъ поставленъ соціалистъ Вивіани. Поэтому можно было ожидать, что его министерство будетъ министерствомъ общественныхъ реформъ и что онъ проведетъ важныя мѣры въ пользу рабочаго класса. На дѣлѣ оказалось обратное. Въ то время во Франціи усилилось забастовочное движеніе, причемъ оно распространилось и на тѣхъ рабочихъ, которые работали въ государственныхъ предпріятіяхъ. Клемансо съ самаго начала сталъ на ту точку зрѣнія, что служащіе государства не имѣютъ права участвовать въ стачкахъ и вступать въ синдикаты, и сталъ рѣшительно бороться съ забастовками государственныхъ служащихъ (особенно большіе размѣры приняла стачка почтовыхъ и телеграфныхъ служащихъ). Но и среди рабочихъ частныхъ предпріятій Клемансо стремился не допускать широкихъ забастовочныхъ движеній и подавлялъ рабочія стачки вооруженной силой. Такъ какъ многими изъ забастовокъ

того времени руководила «Генеральная Конфедерация Труда», то Клемансо арестовалъ главныхъ ея дѣятелей. Это вызвало еще большее развитіе забастовокъ. Въ августѣ 1908 года была сдѣлана даже попытка организовать всеобщую стачку, но эта попытка окончилась неудачей. Въ то же время Клемансо заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ социализма и даже призналъ въ одной рѣчи, что его борьба противъ ошпортунизма Гамбетты была ошибочной.

Еще большій уклонъ вправо произошелъ въ слѣдующее министерство Бриана. По предыдущей карьерѣ Бриана, отъ него еще въ большей степени, чѣмъ отъ Клемансо, можно было ожидать важныхъ социальныхъ реформъ. Самъ онъ былъ раньше социалистомъ и въ свое министерство включилъ еще двухъ социалистовъ (Вивіани и Мильерана). Но довольно неожиданно онъ сталъ вести себя такъ, что даже радикалы стали находить его политику слишкомъ правой, а умѣренные и консерваторы, наоборотъ, оказывали ему поддержку. Съ самаго начала онъ заявилъ, что не слѣдуетъ въ политикѣ предъявлять слишкомъ большихъ запросовъ и лучше довольствоваться немногимъ. Въ соответствіе съ этимъ онъ провелъ законъ о пенсіяхъ для рабочихъ и крестьянъ въ такой формѣ, что рабочіе и социалисты остались имъ очень недовольны: возрастъ, съ котораго началась уплата пенсіи, былъ слишкомъ высокъ (65 лѣтъ), и рабочіе называли эти пенсіи пенсіями «для покойниковъ»; кромѣ того сами же рабочіе должны были участвовать своими взносами въ образованіи фонда, изъ котораго уплачивались пенсіи. Законъ о пенсіяхъ былъ все-таки уступкой рабочему движенію. За то во всемъ остальномъ Бриандъ заявилъ себя сторонникомъ «твердой власти».

Когда осенью 1910 года во Франціи началась большая желѣзнодорожная забастовка и при этомъ возникли нѣкоторыя насилія, то Брианъ объявилъ желѣзныя дороги на всеобщемъ положеніи, арестовалъ руководителей забастовки и отказался вступать въ какіе-либо переговоры съ комитетомъ забастовщиковъ. Вслѣдствіе рѣшительнаго образа дѣйствій Бриана стачка кончилась ничѣмъ, но своимъ поведеніемъ онъ совершенно порвалъ съ социалистами. Вивіани и Мильеранъ вышли изъ его кабинета, и ему пришлось опираться въ дальнѣйшемъ на умѣренныхъ и консерваторовъ. Въ угоду имъ онъ сталъ уже дѣлать послабленія католическимъ школамъ и духовнымъ конгрегаціямъ. Но такое поведеніе уже не соотвѣтствовало соотношенію силъ въ палатѣ, гдѣ лѣвые были въ большинствѣ, и Бриану пришлось подать въ отставку. Послѣ его отставки (1911 г.) за три года до начала Великой войны смѣнилось семь министерствъ: Мониса, Кайо, Пуанкаре, Бриана (2-й разъ), Барту, Думерга и Рибо. Всѣ эти министерства были очень недолговѣчны, и въ ихъ паденіи сыграла большую роль борьба лицъ, чѣмъ борьба направлений. На очереди стояли тогда довольно важныя реформы: о введеніи подоходнаго налога, о реформѣ избирательнаго права на основѣ пропорціональнаго представительства *), объ улучшеніи быта рабочаго класса. Но ни одна изъ этихъ реформъ до войны не была проведена вслѣдствіе оппозиціи умѣренныхъ и консервативныхъ партій. Изъ существующихъ законовъ, проведенныхъ незадолго до войны, надо отмѣтить лишь возвращеніе къ трехлѣтнему сроку военной службы, принятое лѣтомъ 1913 года въ министерство Барту.

*) т-е, съ допущеніемъ представительства не только отъ большинства, но и отъ меньшинства.

Малое количество важных реформ послѣ 1916 года и частная смѣна министерствъ за послѣдніе три года передъ войной показывали, что французское общество нуждается въ новомъ освѣжающемъ толчекѣ, который побудилъ бы отъ личной борьбы и отъ мелкой законодательной работы перейти къ серьезному реформаторскому творчеству. Такой толчекъ дать въ настоящее время Франціи разразившаяся въ концѣ лѣта 1914 года Великая война.

Внѣшняя политика третьей республики. Послѣ войны 1870—71 гг. до самаго 1914 года Франція не вела войнъ, но ея отношенія съ Германіей не разъ находились на рубежѣ открытія военныхъ дѣйствій. Еще въ 1875 г. между Франціей и Германіей едва не вспыхнула новая война. Во Франціи еще живы были мысли о реваншѣ (т. е. о возмездіи за утраты 1871 г.), и Бисмаркъ думалъ, что для того, чтобы отбить у Франціи навсегда охоту къ новой войнѣ съ Германіей, ей надо произвести новое «кровоупусканіе», отъ котораго она бы уже никогда не оправилась. Переговоры германскаго посланника въ Парижѣ съ французскимъ правительствомъ приняли крайне воинственный тонъ. До войны однако дѣло не дошло, ибо за Францію вступились Россія и Англія. Они не могли допустить дальнѣйшаго ослабленія Франціи, и послѣ личнаго вмѣшательства императора Александра II и королевы Викторіи дѣло удалилось. Переговоры 1875 года значительно способствовали сближенію Франціи съ Россіей. Въ томъ же духѣ дѣйствовали и постановленія Берлинскаго конгресса (іюнь-іюль 1878 г.), собравшагося послѣ русско-турецкой войны для разсмотрѣнія балканскихъ дѣлъ. На конгрессѣ собрались представители всѣхъ великихъ державъ, и Германія открыто

стала тамъ на сторону Австріи противъ Россіи. Россія съ этихъ поръ должна была уже болѣе рѣшительно отвернуться отъ Германіи и искать поддержки у зрага Германіи, Франціи. Союзъ съ Россіей для Франціи сталъ настоятельною необходимостью съ тѣхъ поръ, какъ у нея испортились отношенія съ Италіей изъ-за захвата Туниса; на Тунисъ Италія тоже имѣла свои притязанія и не могла простить Франціи захвата; въ противовѣсъ Франціи Италія стала сближаться съ центральными державами—Германіей и Австріей, и въ 1882 году двойственный союзъ Австріи и Германіи превратился въ тройственный — Германіи, Австріи и Италіи.

Въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ и Англія занимала довольно враждебное положеніе по отношенію къ Франціи. Оба эти государства были самыми крупными колониальными державами *), и за предѣлами Европы—въ Азіи (особенно въ Индо-Китаѣ) и Африкѣ ихъ интересы довольно часто сталкивались. Все это побуждало Францію искать для себя опоры вовнѣ, и наилучшимъ союзникомъ ея могла быть Россія. И у Франціи, и у Россіи въ то время были общіе враги: во-первыхъ, Германія, а во-вторыхъ, Англія, у которой въ то время возникли несогласія съ Россіей изъ-за Афганистана, находящагося между русскими среднеазиатскими владѣніями и англійской Индіей, и изъ-за вліянія въ Персіи. Когда въ 1890 году Англія сблизилась съ Германіей и заключила съ ней соглашеніе по поводу колоній въ Африкѣ, Франція отвѣтила на это сближеніемъ съ Россіей. Въ началѣ 90-хъ годовъ Россія и Франція вступили другъ съ другомъ и въ формальный союзъ (1891 г.).

*) Германія въ то время только что вступила на путь колониальныхъ захватовъ, и еще не была серьезнымъ соперникомъ въ колоніяхъ ни для Англіи, ни для Франціи.

Союзъ носилъ оборонительный характеръ, и обѣ державы обязывались поддержать другъ друга всеми своими вооруженными силами, если на нихъ нападетъ какая-либо третья великая держава; но кромѣ того, по важнымъ вопросамъ международной политики Франція и Россія должны были выступать совместно, и онѣ не разъ оказывали другъ другу существенную дипломатическую помощь. Въ началѣ XX вѣка началось сближеніе Франціи и съ Англіей. Къ этому времени Германія оказалась серьезнымъ противникомъ Англіи, вслѣдствіе своихъ, выроставшихъ съ каждымъ годомъ стремленій къ колониальнымъ захватамъ, къ могуществу на моряхъ и вслѣдствіе колоссальнаго роста германской промышленности, успѣшно соперничавшей всюду—и даже въ самой Англіи—съ англійской промышленностью. Англійскіе и германскіе интересы стали повсюду сталкиваться, и Франція воспользовалась этимъ англо-германскимъ разладомъ для того, чтобы перетянуть Англію на свою сторону. Ея старанія въ этомъ отношеніи скоро увѣнчались успѣхомъ. Въ 1903 году между Англіей и Франціей состоялось соглашеніе, по которому обѣ державы обязались разрѣшать возникающіе между ними спорные вопросы не силой оружія, а передачей ихъ на разсмотрѣніе постоянного суда въ Гаагѣ. Въ 1904 году было заключено еще болѣе важное соглашеніе, которымъ Франція обязывалась не мѣшать Англіи въ Египтѣ, а Англія не мѣшать Франціи въ Марокко. Тогда же были точно разграничены сферы вліянія Англіи и Франціи и въ другихъ колоніяхъ. Въ результатѣ этого между Англіей и Франціей вмѣсто враждебныхъ наступили дружественныя отношенія; до формальнаго союза, однако, дѣло не дошло. Франціи удалось примирить и Россію съ Англіей, и благодаря ея стараніямъ между этими

двумя державами въ 1906 году былъ заключенъ договоръ, по которому были улажены все несогласія между ними въ Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ. Теперь и Россія стала жить въ мирѣ съ Англіей, и въ противовѣсъ тройственному союзу Германіи, Австріи и Италіи—появилось тройственное соглашеніе Франціи, Англіи и Россіи. Франція воспользовалась немедленно же своимъ соглашеніемъ съ Англіей для того, чтобы поставить Марокко въ болѣе строгое подчиненіе себѣ и, несмотря на протесты Германіи, грозившей ей даже войной, добилась (на алжезирской конференціи 1906 г.) того, что Марокко осталось подъ ея исключительнымъ протекторатомъ. Въ этомъ случаѣ Англія и Россія стали рѣшительно на сторону Франціи противъ Германіи и Австріи. Съ своей стороны Франція въ союзѣ съ Англіей поддерживала русское вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ; кромѣ того все три эти державы рѣшительно препятствовали стремленіямъ Германіи проложить прямой путь для германскаго вліянія отъ Берлина до Персидскаго залива. Для русскаго и англійскаго вліянія на ближнемъ востокѣ въ Турціи и Персіи было очень опасно стремленіе Германіи захватить въ свои руки Константинополь, Малую Азію, Месопотамію и Персію, и русскіе и англійскіе дипломаты энергично боролись съ притязаніями Германіи на ближній востокъ; а Франція настойчиво поддерживала Россію и Англію въ этой борьбѣ противъ укрѣпленія германскаго вліянія на ближнемъ востокѣ. Такъ международная исторія XX вѣка мало-по-малу подготовляла то столкновеніе между великими державами, гдѣ на одной сторонѣ оказались Австрія и Германія, а на другой—Россія, Франція и Англія

503.829

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

Серія беллетристическая.

- № 1. А. Крандіевская. Охранитель Ц. 20 к.
- № 2. А. Крандіевская. Только часть. Ц. 15 к.
- № 3. А. Шиманскій. Сруль изъ Любартова. Ц. 10 к.
- № 4. М. Конопницкая. Яктонъ. Ц. 10 к.
- № 5. Л. Толстой. Божеское и человѣческое.

Серія политическая.

- № 51. В. Алексѣевъ. Зачѣмъ и какъ выбирать въ Учредительное Собрание? Ц. 20 к.
- № 52. В. Алексѣевъ. Свободный гражданинъ и его права.
- № 53. Прив.-доц. Ю. Ключниковъ. Революція и война.
- № 54. Прив.-доц. Н. Арсеньевъ. Революція и вѣра.
- № 55. Прив.-доц. Н. Фиолетовъ. Церковь въ новой Россіи.
- № 56. Прив.-доц. Л. Успенскій. Соціальныя задачи государства.
- № 57. Прив.-доц. С. Кечекьянъ. Какая намъ нужна республика?

Серія историческая.

- № 101. Е. Ефимова. Великая французская революція. Ц. 50 к.
- № 102. В. Перцевъ. Франція въ XIX вѣкѣ. Ц. 50 к.
- № 103. В. Перцевъ. Германія и Австрія въ XIX вѣкѣ. Ц. 60 к.
- № 104. В. Перцевъ. Англія въ XIX вѣкѣ.
- № 105. В. Перцевъ. Италия въ XIX вѣкѣ.
- № 106. Е. Вишняковъ. Декабристы.
- № 107. В. Пичета. Первые русскіе социалисты.

Серія экономическая.

- № 151. Г. Войтинскій. Примирительныя камеры на Западѣ. Ц. 15 к.
- № 152. Г. Войтинскій. Примирительныя камеры въ Россіи.

ЛИГА АГРАРНЫХЪ РЕФОРМЪ

Редакціонный комитетъ: П. П. Маслово, С. Л. Маслово, Н. П. Оганевскій, А. В. Чайновъ

Статистическій справочникъ по аграрному вопросу. Выпускъ 1-й: Землевладѣніе и землепользованіе.

А. В. Чайновъ. Къ постановкѣ аграрнаго вопроса

Н. П. Макаровъ. Крестьянское хозяйство и его интересы.

Заказы направлять по адресу: Москва, 4-й Сыромятническій ц., 1. Акц-ое О-во «Универсальная Библиотека», тел. 1-24-24.

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00311966 2